

Офелия

Лев Поэтический

Лев Поэтический

Офелия

<https://litres.ru/74658259>

SelfPub; 2026

Аннотация

Некоторые люди приходят в нашу жизнь не для того, чтобы остаться. Они приходят, чтобы однажды мы обнаружили: после них даже привычный мир звучит иначе.

Он встретил Офелию в тот период, когда давно перестал верить в случайности. Она говорила тихо, улыбалась редко и умела смотреть на человека так, будто видела всё, что он годами прятал от самого себя.

В ней было что-то необъяснимое. Не холодность, не равнодушие — скорее, усталость человека, который слишком долго пытался быть сильным.

Он захотел узнать её. Потом — понять. А однажды поймал себя на мысли, что уже не представляет жизни, в которой ему не нужно было бы искать её взгляд в толпе.

Но у каждого молчания есть своя причина. И далеко не всякую правду можно пережить, даже если к ней готовишься всю жизнь.

Это история об Офелии. О любви, одиночестве и невидимых ранах, которые человек может носить под самой красивой улыбкой.

И о том, как трудно бывает отличить желание спасти другого от страха остаться одному.

Содержание

Глава первая. Девушка, которая не любила утро	5
Глава вторая. Письма, которые никто не отправлял	13
Глава третья. Девять дней до тишины	23
Глава четвёртая. То, что осталось после неё	35
Глава пятая. Человек, которого она ждала	50
Глава шестая. Письмо, которое опоздало	60
Глава седьмая. Имя на холодном камне	73
Глава восьмая. Дом, который помнил всё	86
Глава девятая. Пять дней до обещания	102
Глава десятая. Человек, который помнил тот день	114
Конец ознакомительного фрагмента.	118

Лев Поэтический

Офелия

Глава первая. Девушка, которая не любила утро

В тот вечер шёл дождь.

Не сильный, не такой, от которого люди прячутся под козырьками магазинов и перебегают дорогу, прикрывая головы сумками. Он был тихим и настойчивым. Дождь словно не хотел никого беспокоить, а просто напоминал городу, что даже у неба иногда заканчиваются силы притворяться безмятежным.

Я стоял напротив книжного магазина и смотрел на свет за запотевшим стеклом.

Часы над дверью показывали без двадцати десять. Внутри никого не было, кроме девушки за кассой. Она сидела, подперев щеку ладонью, и читала книгу с потрёпанной обложкой.

Я заметил её ещё до того, как вошёл.

Не потому, что она была особенно красивой. Хотя, если быть честным, красота в ней присутствовала. Просто она казалась человеком, который случайно остался в помещении

после того, как весь мир разошёлся по домам.

Тёмные волосы были собраны небрежно. Несколько прядей падали на лицо. На плечах лежал серый кардиган, рукава которого закрывали половину ладоней. Рядом стояла чашка с давно остывшим чаем.

Она перевернула страницу.

И почему-то именно в этот момент мне захотелось узнать, о чём она читает.

Я толкнул дверь.

Над входом звякнул маленький колокольчик.

— Мы закрываемся через десять минут, — сказала она.

Не грубо. Не приветливо. Просто сообщила факт, который не предполагал обсуждения.

— Мне хватит пяти.

— Обычно так говорят люди, которые остаются на час.

— А вы обычно угадываете?

Она посмотрела на меня чуть внимательнее.

— Нет. Просто работаю здесь достаточно долго.

Я улыбнулся, но она не ответила улыбкой. Её взгляд скользнул по мокрому воротнику моего пальто, остановился на руках, затем вернулся к лицу.

— Что ищете?

Я достал из кармана сложенный листок.

На нём было написано название книги и имя автора. Бумага успела размокнуть по краям, а почерк моей матери почти выцвел.

— Эту книгу. Мне сказали, что у вас может быть старое издание.

Девушка взяла листок осторожно, будто он был чем-то хрупким.

Прочитала.

Затем почему-то перестала двигаться.

Это продолжалось всего несколько секунд, но я успел заметить, как изменилось её лицо. Словно я назвал не книгу, а человека, которого она давно пыталась забыть.

— Вы знаете её? — спросил я.

Офелия подняла на меня глаза.

Тогда я ещё не знал её имени. Не знал, сколько ей лет, почему она работала по вечерам и почему носила на запястье тонкую чёрную ленту. Не знал даже, живёт ли она одна.

Но я запомнил её взгляд.

В нём было что-то такое, от чего мне вдруг стало неловко за собственное любопытство.

— Знаю, — ответила она.

— И она есть?

— Нет.

— Жаль.

Она положила листок на прилавок.

— Почему вы ищете именно её?

Я мог бы сказать правду. Что моя мать читала эту книгу в последние месяцы своей жизни. Что после её смерти я нашёл экземпляр с вырванными страницами и короткой над-

писью на форзаце. Что я много лет пытался понять, почему она подчеркнула одну фразу, а потом уничтожила всё, что было написано после неё.

Но мы были незнакомы.

Поэтому я сказал:

— Обещал одному человеку.

Офелия отвела взгляд.

— Обещания иногда переживают людей, которым их дают.

Она произнесла это тихо, почти равнодушно.

И всё же в её голосе что-то дрогнуло.

Я не стал спрашивать, что она имела в виду.

Вместо этого посмотрел на часы.

— Значит, я не успел.

— Вы успели промокнуть, — сказала она. — Это тоже результат.

Я рассмеялся.

Она удивлённо посмотрела на меня, словно не ожидала, что её слова могут показаться кому-то смешными. А затем уголок её губ едва заметно приподнялся.

Это была не улыбка в привычном смысле. Скорее, воспоминание о ней.

Но я почему-то обрадовался.

— Как вас зовут? — спросил я.

Девушка помолчала.

— Офелия.

Имя показалось мне странным и красивым одновременно. Оно не подходило этому месту, этим полкам, тусклым лампам и чашке с остывшим чаем. В нём было что-то старинное, словно оно пришло из письма, написанного много лет назад и найденного случайно между страницами чужого дневника.

— Очень красивое имя.

— Мне жаль.

Я не сразу понял, что она сказала.

— Что?

— Обычно после этих слов люди начинают рассказывать мне, насколько оно трагичное.

— Я не собирался.

— Пока не собирались.

Она закрыла книгу и убрала её под прилавок.

Я посмотрел на полки ещё раз, надеясь найти что-нибудь, ради чего стоило задержаться. Но правда заключалась в том, что искать мне уже не хотелось.

Мне хотелось продолжить разговор.

И это было странно.

В последнее время я почти ни с кем не разговаривал дольше нескольких минут. Работа, дорога, квартира, сон. Иногда звонки от знакомых, на которые я отвечал спустя несколько дней. Иногда сообщения, которые открывал и забывал закрыть.

Жизнь стала похожа на коридор с множеством дверей, за которыми ничего не происходило.

А сейчас мне вдруг показалось, что одна из них приоткрылась.

— Вы всегда так разговариваете с покупателями? — спросил я.

— Только с теми, кто приходит за книгами, которых не существует.

— Но книга существует.

— Возможно. Просто не здесь.

Я кивнул, будто это объяснение меня устроило.

За окном проехала машина, разрезав лужу у тротуара. Свет фар скользнул по стеклу и на мгновение осветил лицо Офелии.

Она казалась очень молодой.

И одновременно — человеком, который слишком давно не позволял себе быть счастливым.

— Вы завтра работаете? — спросил я.

Офелия нахмурилась.

— Зачем вам?

— Попробую найти другую книгу.

— В городе достаточно книжных магазинов.

— Но в остальных я пока не промокал.

На этот раз она улыбнулась по-настоящему.

Совсем немного. На одну секунду.

Но я увидел.

И почему-то мне захотелось сохранить эту секунду, как сохраняют фотографии людей, которых боятся потерять, хо-

тя ещё даже не успели полюбить.

— Завтра моя смена начинается в шесть, — сказала она.

Я понял, что она не обещала встретить меня. Не приглашала. Даже не говорила, что будет рада меня увидеть.

Но почему-то запомнил время.

— Тогда до завтра, Офелия.

— Вы ведь даже не сказали, как вас зовут.

Я уже взялся за ручку двери.

— Завтра скажу.

— Значит, вы из тех людей, которые любят оставлять загадки?

Я посмотрел на неё через плечо.

— Нет. Просто иногда человеку нужно два вечера, чтобы решиться представиться.

Она ничего не ответила.

Колокольчик снова звякнул, и я вышел под дождь.

Домой я возвращался пешком, хотя мог вызвать такси. Мне хотелось идти медленно, обходить лужи, смотреть на окна чужих квартир и придумывать истории о людях, которые за ними жили.

Но все мои мысли возвращались к одной девушке.

К её голосу.

К тому, как она произнесла слово «обещания».

К улыбке, которая появилась на её лице так неожиданно, будто сама она не была уверена, имеет ли право улыбаться.

Я не знал, что Офелия каждую ночь просыпается за

несколько минут до рассвета.

Не знал, что она хранит в ящике стола десятки писем, адресованных одному и тому же человеку.

Не знал, что уже несколько месяцев она пытается научиться жить с воспоминанием, которое не отпускает её ни на минуту.

И уж тем более я не мог знать, что однажды буду стоять перед её закрытой дверью, произнося её имя так, словно от этого зависит, останется ли во мне хоть что-нибудь живое.

В тот вечер я просто познакомился с девушкой в книжном магазине.

И, уходя, совершенно не подозревал, что некоторые встречи начинаются задолго до того, как мы решаемся открыть дверь.

А заканчиваются тогда, когда мы уже не можем представить, как жили до них.

Глава вторая. Письма, которые никто не отправлял

На следующий день я проснулся раньше будильника.

За окном ещё было темно, а на потолке медленно двигались тени от фар проезжающих машин. Я лежал на спине и смотрел вверх, пытаясь понять, почему мне впервые за долгое время не хотелось снова закрыть глаза.

Потом вспомнил.

Шесть часов вечера.

Книжный магазин.

Офелия.

Я усмехнулся собственной глупости и повернулся на бок. Взрослый мужчина, который просыпается раньше времени из-за незнакомой девушки, — не самое достойное зрелище даже в собственных мыслях.

Мы ведь почти не разговаривали. Я не знал её фамилии, не знал, где она живёт, не знал, есть ли у неё кто-нибудь. Она могла вообще не вспомнить меня к вечеру.

И всё-таки я помнил её улыбку.

Это раздражало.

Последние несколько лет я старательно учился не привязываться к людям. После смерти матери мне казалось, что любая привязанность рано или поздно превращается в ожи-

дание плохих новостей. Сначала ты ждёшь звонка, потом сообщения, потом хотя бы короткого ответа. А однажды обнаруживаешь, что ждёшь уже не человека, а возможности ещё хоть раз услышать его голос.

Я не хотел снова становиться таким.

Поэтому встал, приготовил кофе и занялся делами, которых давно накопилось достаточно, чтобы не оставлять времени на посторонние мысли.

К полудню я забыл об Офелии.

К двум часам вспомнил.

К четырём начал выбирать одежду.

А в половине шестого уже стоял на другой стороне улицы, наблюдая за входом в книжный магазин.

На этот раз дождя не было.

Небо затянули низкие серые облака, и город выглядел так, словно его кто-то забыл раскрасить. Люди спешили по своим делам, возле остановки спорили двое мужчин, а пожилая женщина пыталась удержать на ветру раскрытый зонт.

Я посмотрел на часы.

До шести оставалось семь минут.

— Если вы собираетесь и дальше стоять там, могу предложить стул.

Я обернулся.

Офелия стояла у двери с картонным стаканчиком в руке.

На ней было чёрное пальто, а волосы, в отличие от вчерашнего вечера, свободно лежали на плечах. Она смотрела

на меня с таким выражением лица, будто обнаружила на улице потерявшуюся собаку, которая почему-то решила, что теперь живёт у её подъезда.

— Я думал, вы ещё не пришли.

— Я здесь уже десять минут.

— Значит, я вас не заметил.

— Или вы слишком старательно делали вид, что просто гуляете.

Я открыл рот, чтобы возразить, но понял, что она права.

— Добрый вечер, Офелия.

— Добрый вечер, незнакомец.

Она прошла мимо меня и открыла дверь магазина.

Я последовал за ней.

Внутри пахло бумагой, пылью и чем-то сладким. Наверное, ванилью. На одном из столиков стояла небольшая ваза с сухими цветами, а рядом лежала стопка книг, которые никто не покупал уже несколько месяцев.

Офелия сняла пальто, повесила его на крючок и включила свет.

— Ну что, — сказала она, занимая своё место за кассой.

— Как вас зовут?

Я выдержал паузу.

— Андрей.

Это имя я выбрал не потому, что хотел её обмануть. Просто впервые за долгое время мне захотелось, чтобы наше знакомство началось без разговоров о прошлом.

— Андрей, — повторила она.

Мне понравилось, как это прозвучало.

— Теперь вы знаете обо мне всё необходимое.

— Правда? А сколько вам лет?

— Достаточно, чтобы не стоять под магазином и ждать девушку, которую я видел один раз.

Офелия тихо рассмеялась.

И этот смех оказался совсем не таким, каким я его представлял. Он был коротким, немного хриплым, словно она давно не смеялась по-настоящему и теперь сама удивилась звуку собственного голоса.

Я поймал себя на том, что улыбаюсь.

— Вы ведь пришли за книгой, — напомнила она.

— Конечно.

— Какой на этот раз?

Я огляделся.

На ближайшей полке стояли романы, сборники стихов, старые дневники и несколько книг в одинаковых тёмных переплётах.

Мой взгляд остановился на тонком сборнике рассказов.

— Вот эту.

Офелия посмотрела на название.

— Вы её читали?

— Нет.

— Тогда почему выбрали?

Я пожал плечами.

— Обложка понравилась.

Она взяла книгу, пролистала несколько страниц и протянула мне.

— Иногда этого достаточно.

Я расплатился и сел возле окна.

Офелия вернулась к своим делам.

Первые двадцать минут я действительно читал. Потом обнаружил, что уже трижды перечитал один и тот же абзац, и закрыл книгу.

Она заметила это почти сразу.

— Не понравилась?

— Пока не понял.

— Обычно люди говорят так, когда книга им не нравится.

— А вы всегда подозреваете людей в плохом вкусе?

— Нет. Иногда в плохих намерениях.

Я посмотрел на неё.

— И какие у меня намерения?

Офелия замолчала.

Вопрос, кажется, застал её врасплох. Она отвела глаза, провела пальцами по краю чашки и только потом ответила:

— Не знаю. Вы ведь незнакомец.

Впервые за всё время в её голосе не было ни насмешки, ни лёгкой иронии.

Только осторожность.

Я вдруг понял, что она не играет в загадочную девушку. Не пытается казаться недоступной. Ей действительно было

трудно подпускать к себе людей, даже на расстояние обычного разговора.

И я решил не настаивать.

— Тогда давайте останемся незнакомцами ещё немного,
— предложил я. — В этом есть свои преимущества.

— Например?

— Я пока не обязан рассказывать вам о своих недостатках.

— А если я сама их замечу?

— Тогда буду вынужден признать, что у вас хороший наблюдательный талант.

Она покачала головой, но снова улыбнулась.

Вечер постепенно темнел. За окном зажглись фонари, на стекле появились отражения книжных полок, и магазин словно отделился от остального города. Здесь было тихо, спокойно и немного печально.

Я уже собирался уходить, когда заметил, как Офелия открыла нижний ящик стола.

Она достала оттуда несколько конвертов.

Все они были одинаковыми: пожелтевшая бумага, аккуратно выведенный адрес и маленькая чёрная точка в правом нижнем углу.

Офелия перебирала письма, пока не нашла одно. Несколько секунд смотрела на него, затем приложила к груди и закрыла глаза.

Я не хотел подглядывать.

Но в тот момент она казалась настолько одинокой, что мне стало страшно нарушить эту тишину даже случайным звуком.

Она открыла глаза, убрала конверт обратно и резко хлопнула ящик.

— Вы уже уходите? — спросила она, заметив, что я стою возле стола.

— Да. Не хотел мешать.

— Вы не мешаете.

Я посмотрел на закрытый ящик.

— Письма?

Офелия напряглась.

Я сразу пожалел о вопросе.

— Простите. Я не должен был спрашивать.

Она долго молчала, а затем медленно села на стул.

— Их никто не читает, — сказала она.

— Понимаю.

— Нет, Андрей. Не понимаете.

В её голосе появилась такая усталость, что мне захотелось немедленно забрать свои слова обратно.

Она провела ладонью по лицу.

— Я пишу их человеку, которого больше нет в моей жизни. Иногда мне кажется, что если я перестану писать, то окончательно соглашусь с тем, что он исчез.

Я не знал, что ответить.

Наверное, потому, что слишком хорошо понимал, о чём

она говорит.

После смерти матери я ещё долго покупал продукты, которые она любила. Иногда набирал её номер, забывая, что никто не ответит. В первые месяцы мне казалось, что память — это способ сохранить человека рядом.

Позже я понял, что память умеет причинять боль не хуже утраты.

— Я тоже иногда разговариваю с теми, кого больше нет,
— признался я.

Офелия подняла глаза.

— И вам становится легче?

Я задумался.

— Иногда. Но чаще я просто вспоминаю, что больше не могу услышать ответ.

Она медленно кивнула.

В этот момент между нами что-то изменилось.

Мы всё ещё были почти незнакомцами. Я не знал её фамилии, она не знала моего настоящего прошлого. Мы не обменивались телефонами и не договаривались встретиться завтра.

Но впервые за два вечера мне показалось, что я разговариваю не с красивой девушкой, которая вызывает любопытство.

Я разговаривал с человеком, который тоже потерял что-то важное и до сих пор не научился жить с этой потерей.

— Как его звали? — спросил я.

Офелия посмотрела на конверты.

— Не сегодня.

Я кивнул.

— Хорошо.

Она удивлённо взглянула на меня, словно ожидала, что я стану расспрашивать дальше.

— Вы не будете настаивать?

— Нет.

— Почему?

Я надел пальто.

— Потому что у каждого человека есть дверь, которую он открывает только изнутри.

Офелия долго смотрела на меня.

Потом тихо произнесла:

— Берегите себя, Андрей.

Это были самые простые слова, которые я слышал за последние месяцы.

И почему-то именно они заставили меня почувствовать себя так, словно кто-то впервые за долгое время заметил, что я тоже устал.

Я вышел из магазина и направился домой.

На этот раз я не пытался придумать историю о людях за чужими окнами. Я думал о женщине, которую никогда не видел, но которой Офелия продолжала писать письма. О человеке, которого она боялась назвать по имени. О том, что могло случиться между ними.

И о том, почему мне так хотелось однажды услышать эту историю целиком.

Я ещё не знал, что среди писем в её ящике было одно, которое она никогда не собиралась отправлять.

Не знал, что на последней странице стояла дата, до которой оставалось всего девять дней.

И не знал, что Офелия уже давно приняла решение, которое изменит не только её собственную жизнь.

Но в ту ночь, когда я лёг спать, мне впервые за долгое время приснилась моя мать.

Она стояла в дверях старой квартиры и смотрела на меня так, словно хотела что-то сказать.

Я пытался подойти к ней, но между нами всё время появлялся длинный коридор.

А когда я наконец добрался до двери, за ней никого не оказалось.

Только на полу лежал пожелтевший конверт.

На нём было написано одно имя.

Офелия.

Глава третья. Девять дней до тишины

Я проснулся от собственного голоса.

Мне показалось, что я кого-то звал, но в комнате было пусто. За окном только начинало светать, и бледный свет ложился на стены моей квартиры, делая её ещё более чужой, чем обычно.

Несколько минут я сидел на кровати, пытаюсь вспомнить сон.

Мать. Старая квартира. Длинный коридор. Конверт с именем Офелии.

Последнее не давало мне покоя.

Я никогда прежде не встречал человека с таким именем. По крайней мере, мне так казалось. Возможно, когда-то я слышал его в детстве, в школе или по телевизору. Возможно, мозг просто соединил два случайных воспоминания.

Но почему именно Офелия?

Я подошёл к окну и приоткрыл штору.

Город просыпался медленно. На тротуаре дворник собирал мокрые листья, возле остановки стояла женщина с маленьким ребёнком, а напротив соседнего дома мужчина пытался завести старый автомобиль.

Обычное утро.

Обычная жизнь.

И всё же мне казалось, что ночью я забыл что-то очень важное.

Я сварил кофе, достал из шкафа старую коробку с документами матери и поставил её на стол.

После её смерти прошло почти три года. За это время я несколько раз собирался разобрать вещи, но каждый раз откладывал. Мне казалось неправильным выбрасывать то, что принадлежало человеку, который больше не мог решить, что ему нужно, а что нет.

В коробке лежали фотографии, квитанции, медицинские бумаги, открытки и несколько писем от родственников.

Я перебирал их почти час.

Никакой Офелии.

Никакого загадочного конверта.

Только на дне коробки обнаружилась маленькая записная книжка в тёмно-красной обложке.

Я узнал её сразу.

Мать записывала туда номера телефонов, адреса и случайные мысли. Иногда оставляла себе напоминания, иногда переписывала понравившиеся строки из книг.

Я открыл первую страницу.

Почерк был знакомым, немного наклонным.

«Не забыть купить хлеб».

«Позвонить врачу».

«Встретиться с Анной».

Я перевернул несколько страниц.

А затем остановился.

В середине книжки, между списком покупок и номером какого-то незнакомого телефона, стояла короткая запись:

«Офелия. Если однажды он её встретит, пусть не пытается быть сильным. Ей не нужен ещё один человек, который умеет только молчать».

Я перечитал её несколько раз.

Пальцы похолодели.

Ниже была указана дата. Почти за год до смерти матери.

Я откинулся на спинку стула и долго смотрел на страницу.

Кто такая Офелия?

Почему мать знала это имя?

И кто был тем человеком, о котором она писала?

Я перевернул страницу в надежде найти продолжение, но дальше шли обычные записи. Адрес аптеки, список лекарств, напоминание оплатить коммунальные услуги.

Никаких объяснений.

Я закрыл книжку.

В тот момент мне захотелось немедленно отправиться в магазин и спросить Офелию, знает ли она мою мать. Но я понимал, насколько безумно это прозвучит.

«Здравствуйте. Мы виделись два раза. Мне приснился сон, а потом я нашёл записку с вашим именем среди вещей умершей матери. Не могли бы вы объяснить, что всё это значит?»

Я даже усмехнулся.

Нет. Так нельзя.

Если между ними действительно была какая-то связь, я должен был узнать об этом осторожно.

А если связи не было, то не стоило пугать девушку собственными совпадениями.

Я убрал записную книжку обратно в коробку и решил дожидаться вечера.

Офелия пришла на работу в половине шестого.

Я заметил её из окна соседнего кафе. Она шла быстро, придерживая воротник пальто, хотя ветра почти не было. В одной руке у неё был бумажный пакет, в другой — связка ключей.

Перед дверью магазина она остановилась.

Посмотрела на небо.

Затем достала из кармана маленький сложенный листок и некоторое время держала его в пальцах.

Мне показалось, что она собирается его выбросить.

Но она снова убрала бумагу в карман и вошла внутрь.

Я подождал несколько минут, допил кофе и перешёл улицу.

Колокольчик над дверью звякнул.

— Вы сегодня рано, — сказала Офелия, даже не подняв головы.

— А вы сегодня пунктуальны.

— Я всегда пунктуальна.

— Значит, мне просто повезло.

Она посмотрела на меня и покачала головой.

— Вы всегда находите, что сказать?

— Не всегда. Иногда я просто молчу и надеюсь, что никто не заметит.

— Плохая стратегия.

— Знаю.

Офелия улыбнулась, но почти сразу отвернулась к полкам.

Я заметил, что она выглядела уставшей. Под глазами залегли тени, а пальцы, когда она перекладывала книги, слегка дрожали.

— Вы хорошо себя чувствуете? — спросил я.

— Да.

Ответ прозвучал слишком быстро.

— Вы уверены?

— Андрей, если я каждый раз буду рассказывать покупателям о своём самочувствии, мне придётся открыть отдельный кабинет.

Я поднял руки, показывая, что сдаюсь.

— Хорошо. Больше не спрашиваю.

Она посмотрела на меня внимательнее.

— Вы сегодня какой-то странный.

Я почувствовал, как внутри всё напряглось.

— В каком смысле?

— Словно хотите о чём-то спросить, но боитесь.

Я невольно вспомнил записную книжку.

Может быть, стоило рассказать ей прямо сейчас.

Но прежде чем я успел решиться, Офелия положила на прилавок небольшую книгу.

— Вот. Думаю, вам понравится.

Я посмотрел на обложку.

Это был старый сборник рассказов без фотографии автора. На корешке виднелись следы времени, а несколько страниц были скреплены тонкой полоской бумаги.

— Почему вы решили, что мне понравится?

— Вы вчера почти не читали ту книгу, которую купили.

— Возможно, я просто плохо умею выбирать книги.

— Возможно.

Она протянула мне сборник.

— Возьмите. Можете вернуть через неделю.

Я взял книгу и заметил на внутренней стороне обложки карандашную надпись.

«Некоторым людям нужно позволить уйти, прежде чем они начнут искать дорогу домой».

— Это ваше? — спросил я.

Офелия взглянула на страницу.

Её лицо изменилось.

Совсем немного, но я уже научился замечать такие перемены.

— Нет.

— А чьё?

Она закрыла книгу.

— Не знаю.

Это была неправда.

Я понял это по тому, как она убрала руку с обложки, словно прикоснулась к чему-то горячему.

Но на этот раз я не стал задавать вопросов.

Мы провели вечер почти так же, как предыдущий. Я сидел у окна, иногда читал, иногда наблюдал за улицей. Офелия разбирала поставку книг, отвечала на редкие звонки и записывала что-то в маленький блокнот.

Около восьми в магазин вошла пожилая женщина.

Она была невысокой, в длинном коричневом пальто и с тёмным платком на голове. На вид ей было около семидесяти. Она двигалась медленно, опираясь на трость, и держала в руках прозрачный пакет с лекарствами.

Офелия заметила её и замерла.

Женщина тоже остановилась.

Несколько секунд они смотрели друг на друга, словно между ними существовало какое-то молчаливое соглашение, о котором никто не должен был знать.

Затем женщина подошла к прилавку.

— Ты всё ещё здесь, — сказала она.

Офелия опустила глаза.

— Да.

— Я думала, ты уже уехала.

— Не получилось.

Женщина тяжело вздохнула.

— Нельзя всю жизнь ждать, когда станет легче.

Офелия ничего не ответила.

— Я принесла то, о чём ты просила.

Пожилая женщина поставила пакет на прилавок.

Внутри лежал небольшой деревянный футляр.

Офелия не прикоснулась к нему.

— Спасибо, — сказала она после долгой паузы.

— Ты открыла письмо?

— Нет.

— Почему?

— Потому что боюсь.

Женщина посмотрела на неё с такой печалью, что мне стало неловко находиться рядом.

— Дорогая, ты уже знаешь, что там написано. Ты просто надеешься, что внутри окажется что-то другое.

Офелия сжала губы.

— Пожалуйста, не здесь.

Пожилая женщина кивнула.

Только теперь она заметила меня.

— Простите, — сказала она. — Я не знала, что у тебя посетитель.

— Всё нормально, — ответил я.

Она посмотрела на книгу в моих руках, потом снова на Офелию.

— Надеюсь, ты не одна.

Эти слова прозвучали странно.

Не как вопрос.

Как просьба.

Офелия отвела взгляд.

— Я справлюсь.

Женщина не стала спорить. Она поправила платок, забрала пустой пакет и направилась к выходу.

Перед дверью остановилась и обернулась.

— Иногда помощь приходит не тогда, когда мы её ждём, а тогда, когда перестаём от неё отворачиваться.

Она сказала это Офелии.

Но почему-то посмотрела на меня.

После её ухода в магазине стало очень тихо.

Я не знал, кем была эта женщина. Не знал, что находилось в деревянном футляре и какое письмо Офелия боялась открыть.

Но я видел, как она смотрела на закрытую дверь.

Так смотрят люди, которые только что слышали шаги уходящего поезда и понимают, что могли бы успеть, если бы вышли из дома на пять минут раньше.

— Кто это была? — спросил я.

Офелия взяла футляр и убрала его в нижний ящик.

— Знакомая семья.

— Она за вас переживает.

— Она переживает за всех. Даже за тех, кто её об этом

не просит.

Я помолчал.

— Офелия, я сегодня нашёл кое-что странное.

Она остановилась.

— Что именно?

Я достал из кармана сложенный листок, на котором утром переписал запись из материнской книжки.

Несколько секунд я смотрел на него, пытаюсь решить, правильно ли поступаю.

Затем протянул ей.

— Моя мать знала ваше имя.

Офелия побледнела.

Она не взяла листок сразу.

Сначала посмотрела на меня, потом на бумагу, затем снова на меня.

— Как звали вашу мать? — спросила она.

Я назвал имя.

И в тот момент произошло нечто, чего я совершенно не ожидал.

Офелия отступила на шаг.

Её губы задрожали, глаза наполнились слезами, но она изо всех сил старалась не заплакать.

— Нет, — прошептала она. — Нет, этого не может быть.

— Вы её знали?

Она покачала головой.

— Я думала, что она умерла гораздо раньше.

— Что?

Офелия закрыла лицо ладонями.

Я сделал шаг к ней, но она резко подняла руку, останавливая меня.

— Не надо. Пожалуйста, не надо сейчас.

Я замер.

Она глубоко вдохнула, вытерла глаза и посмотрела на меня так, словно перед ней стоял не знакомый человек, а призрак, которого она боялась увидеть всю свою жизнь.

— Андрей, — произнесла она едва слышно. — Ваша мать была единственным человеком, который пытался меня спасти.

Я не смог вымолвить ни слова.

— Но я не позволила ей.

Офелия отвернулась к окну.

За стеклом медленно зажигались фонари. Вдалеке кто-то смеялся, возле остановки спорили двое подростков, а мимо магазина прошла женщина с букетом белых цветов.

Город продолжал жить.

А моя жизнь в этот момент словно остановилась.

Я смотрел на девушку, которую знал всего несколько дней, и впервые понимал, что наше знакомство не было случайностью.

Моя мать знала её.

Офелия знала мою мать.

И где-то между этими двумя фактами скрывалась исто-

рия, которую мне никто не рассказывал.

— Что случилось? — наконец спросил я.

Офелия закрыла глаза.

— Если я расскажу вам правду, вы больше никогда не сможете смотреть на меня так, как сейчас.

Я не знал, что ответить.

Потому что в тот момент я уже смотрел на неё иначе.

Не как на красивую девушку из книжного магазина.

Не как на загадку, которую хотелось разгадать.

Я смотрел на человека, чья боль каким-то непостижимым образом оказалась связана с моей собственной жизнью.

И впервые за долгое время мне стало по-настоящему страшно.

Не потому, что я боялся услышать правду.

А потому, что уже чувствовал: после неё ничего не останется прежним.

Глава четвёртая. То, что осталось после неё

Я никогда не умел правильно реагировать на чужие слёзы.

Когда человек плакал рядом со мной, я начинал подбирать слова, словно от их точности зависело, станет ли ему легче. Я говорил, что всё наладится, что время поможет, что не стоит винить себя за то, чего уже не изменить.

С годами я понял, насколько бессмысленными бывают эти фразы.

Некоторые вещи не налаживаются.

Время не возвращает тех, кого мы потеряли.

А вина иногда становится единственным способом сохранить связь с прошлым, потому что человеку страшно признать: он больше ничего не может исправить.

Поэтому, когда Офелия отвернулась к окну, я не стал говорить ей, что всё будет хорошо.

Я просто остался рядом.

Она стояла неподвижно, обхватив себя руками. В отражении стекла её лицо казалось почти прозрачным. Я видел, как она несколько раз открывала рот, собираясь что-то сказать, но каждый раз передумывала.

Наконец она произнесла:

— Ваша мать была очень доброй женщиной.

Я почувствовал, как внутри что-то сжалось.

— Вы говорите так, будто знали её всю жизнь.

— Нет. Но иногда достаточно одного человека, чтобы запомнить его навсегда.

— Когда вы познакомились?

Офелия не ответила сразу.

Она подошла к прилавку, достала из ящика деревянный футляр и поставила его перед собой. Несколько секунд провела пальцами по крышке, словно пыталась вспомнить, как открываются вещи, которые слишком долго оставались закрытыми.

— Мне было семнадцать, — сказала она наконец. — Я тогда ещё училась в школе. Жила с матерью в маленькой квартире на окраине города. У нас почти не было денег, а дома постоянно происходили вещи, о которых я не могла рассказать даже самым близким людям.

Она замолчала.

Я не перебивал.

— Однажды я убежала из дома. Просто вышла на улицу и пошла куда глаза глядят. Был ноябрь, холодно, уже темно. Я не знала, куда мне идти, и даже не пыталась найти место, где можно переночевать. Мне казалось, что если я буду продолжать двигаться, то хотя бы на несколько часов перестану чувствовать себя пленницей собственной жизни.

Офелия опустила глаза.

— Ваша мать нашла меня возле больницы. Я сидела на

ступеньках и пыталась убедить себя, что мне не страшно.

Я представил мать такой, какой помнил её в последние годы: уставшей, немного сутулой, с мягкими руками и привычкой поправлять волосы, когда она волновалась.

Мне было трудно представить её случайной прохожей, которая остановилась рядом с незнакомой девушкой.

Но ещё труднее было представить, что я ничего об этом не знал.

— Она отвезла меня к себе, — продолжила Офелия. — Дала сухую одежду, приготовила ужин и предложила остаться на ночь. Она не задавала вопросов. Не пыталась узнать, что произошло. Просто сказала, что иногда человеку нужно место, где от него ничего не требуют.

Я опустил взгляд.

Мать часто говорила мне похожие вещи.

Когда я был маленьким и возвращался из школы расстроенным, она никогда не заставляла меня немедленно объяснять причину. Она ставила передо мной тарелку с едой и ждала, пока я сам захочу заговорить.

Я не понимал, насколько редким было это умение, пока не вырос.

— Почему она мне ничего не рассказывала? — спросил я. Офелия покачала головой.

— Я просила её не говорить.

— Почему?

— Потому что мне было стыдно.

Она произнесла это так тихо, что я едва расслышал.

— Я думала, что если кто-то узнает, что происходило в моей семье, то будет смотреть на меня иначе. Мне казалось, что чужая жалость хуже одиночества. Ваша мать не жалела меня. По крайней мере, она никогда не показывала этого. Она просто относилась ко мне так, будто я заслуживала нормальной жизни.

Офелия провела ладонью по лицу.

— Она помогла мне найти работу. Разговаривала со школьным психологом. Несколько раз пыталась убедить меня обратиться за помощью, когда мне становилось совсем плохо. Но я всё время отталкивала её. Мне казалось, что я должна справиться самостоятельно.

— И что произошло потом?

Офелия посмотрела на меня.

В её глазах было столько страха, что я пожалел о вопросе.

— Потом я совершила ошибку, которую до сих пор не могу себе простить.

Она открыла футляр.

Внутри лежали фотографии, несколько сложенных листов бумаги и тонкий серебряный браслет.

На одной из фотографий была моя мать.

Она стояла возле незнакомого дома, обнимая за плечи совсем юную Офелию. Обе улыбались. У матери были распущены волосы, а Офелия смотрела в объектив с такой открытой радостью, что я едва узнал в этой девушке ту, которую

встречал каждый вечер в книжном магазине.

Я взял фотографию.

На обороте стояла дата.

За несколько месяцев до того, как я впервые заметил, что мать начала скрывать от меня своё самочувствие.

— Она никогда не рассказывала мне о вас, — сказал я.

— Знаю.

— Почему?

Офелия закрыла футляр.

— Потому что я попросила её забыть обо мне.

Я поднял глаза.

— Вы серьёзно?

— Да.

— Она помогала вам, заботилась о вас, а вы попросили её забыть?

В моём голосе прозвучала резкость, которой я не ожидал от самого себя.

Офелия вздрогнула.

И мне стало стыдно.

— Простите, — сказал я. — Я не должен был так говорить.

— Нет. Вы имеете право злиться.

Она снова посмотрела на фотографию.

— Я была молодой. Мне казалось, что если я исчезну из жизни всех, кто меня любит, то смогу начать всё заново. Я уехала в другой город, сменила номер телефона и перестала

отвечать на письма. Ваша мать долго пыталась меня найти. Потом однажды написала, что больше не будет меня беспокоить.

— И вы не ответили?

— Нет.

Я молчал.

Офелия опустила голову.

— Через несколько лет я узнала, что она заболела. Мне написали общие знакомые. Я собиралась приехать, но всё откладывала. Сначала думала, что мне нужно время. Потом боялась, что она не захочет меня видеть. А когда наконец решилась, мне сообщили, что уже поздно.

Она произнесла последние слова без слёз.

И именно поэтому они прозвучали страшнее всего.

— Я не успела попрощаться, Андрей.

Я почувствовал, как сдавило горло.

Мать умерла не одна. Я был рядом. Держал её за руку, когда она уже почти не могла говорить. Слушал её дыхание и убеждал себя, что всё ещё может измениться.

Но я не знал, что в другом конце города или даже страны существовал человек, который тоже ждал возможности попрощаться.

И что теперь этот человек сидел передо мной, продолжая наказывать себя за опоздание, которое уже нельзя было исправить.

— Она вас простила, — сказал я.

Офелия подняла глаза.

— Откуда вы знаете?

— Потому что я знал свою мать.

Она покачала головой.

— Вы не можете этого знать.

— Возможно. Но если бы она хотела, чтобы вы всю жизнь чувствовали себя виноватой, она была бы совсем другим человеком.

Офелия отвернулась.

Я видел, что она пытается сдержать слёзы.

— Я не заслуживаю её прощения.

— Это не вам решать.

Она резко посмотрела на меня.

— Тогда кому?

Я не нашёл ответа.

Потому что иногда даже самые правильные слова ничего не меняют. Человек может понимать, что его простили, и всё равно продолжать искать наказание. Может знать, что прошлое закончилось, и каждое утро просыпаться внутри него.

Офелия снова открыла футляр и достала один из листов.

Бумага была сложена вчетверо. На сгибах виднелись следы долгого использования.

— Ваша мать написала мне это письмо незадолго до смерти, — сказала она. — Оно вернулось ко мне несколько недель назад. Я даже не знала, что его сохранили.

— Почему вы не открыли его?

Она посмотрела на конверт.

— Потому что боюсь, что там окажется прощание.

Я протянул руку, но не коснулся письма.

— Может быть, там совсем другое.

— А если нет?

— Тогда хотя бы перестанете гадать.

Офелия долго смотрела на меня.

Потом медленно развернула бумагу.

Я не пытался читать через её плечо. Отступил к окну и стал смотреть на улицу, давая ей возможность остаться наедине с последними словами моей матери.

Прошло несколько минут.

Затем я услышал тихий звук.

Офелия плакала.

Не громко, не пытаясь привлечь внимание. Она сидела, прижав письмо к груди, и плакала так, словно наконец позволила себе почувствовать то, от чего убегала много лет.

Я подошёл ближе.

— Что она написала?

Офелия протянула мне лист.

Я узнал почерк сразу.

«Милая девочка.

Я не знаю, прочитаешь ли ты когда-нибудь это письмо. Возможно, ты уже давно научилась жить без меня и больше не хочешь вспоминать о тех днях. Я не стану просить тебя вернуться. Ты имеешь право выбирать собственную дорогу,

даже если мне трудно принять, что однажды наши пути разошлись.

Я только хочу, чтобы ты знала одну вещь.

Ты никогда не была для меня чужой.

Я помню, как ты сидела на кухне и боялась попросить добавки, хотя почти ничего не съела. Помню, как однажды загнула на диване, не сняв обуви, потому что впервые за долгое время почувствовала себя в безопасности. Помню, как ты смеялась над совершенно глупыми историями и как потом извинялась за этот смех, словно счастье было чем-то, за что нужно просить прощения.

Я не знаю, что произошло в твоей жизни после нашего последнего разговора. Не знаю, удалось ли тебе найти людей, которым ты смогла довериться. Но мне хочется верить, что однажды ты перестанешь считать себя человеком, которого невозможно любить.

Если ты когда-нибудь встретишь моего сына, не бойся его.

Он не всегда умеет говорить о чувствах, но у него доброе сердце. Иногда он прячет боль за молчанием, как это делала я сама. Возможно, вы поймёте друг друга лучше, чем думаете.

И если однажды тебе станет совсем тяжело, пожалуйста, не оставайся с этим одна.

Тебе не нужно заслуживать право на помощь.

Береги себя, моя девочка.

И живи.

Не ради меня. Не из чувства вины. Просто потому, что твоя жизнь принадлежит тебе.

С любовью,
Елена».

Я дочитал письмо и долго не мог поднять глаза.

Мать никогда не называла меня человеком, который прячет боль за молчанием.

Но она знала.

Конечно, знала.

Она всегда замечала то, что я старательно пытался скрыть.

Офелия сидела неподвижно.

— Она не сердилась на меня, — прошептала она.

— Нет.

— Она действительно меня простила.

— Да.

Офелия закрыла глаза.

И впервые с нашей встречи мне показалось, что она не просто устала от жизни.

Она устала бороться с прошлым, которое давно перестало существовать, но продолжало жить внутри неё.

Я сел рядом.

Мы молчали.

За окном шёл мелкий дождь. На улице проезжали машины, где-то хлопнула дверь, а в соседнем здании зажглось окно на последнем этаже.

Я думал о матери.

О том, сколько всего она успела сделать, пока я считал её жизнь обычной и понятной. О людях, которых она поддерживала, о разговорах, которых я не слышал, о письмах, о которых ничего не знал.

И о том, что после смерти человека остаётся не только пустота.

Иногда остаются поступки, продолжающие менять чужие жизни.

Даже когда самого человека уже нет.

— Андрей, — тихо позвала Офелия.

Я повернулся к ней.

— Да?

Она вытерла лицо и посмотрела мне прямо в глаза.

— Я должна вам кое-что сказать.

В её голосе снова появилась та осторожность, которую я слышал в первый вечер.

— Хорошо.

— Я не случайно осталась в этом городе.

Я ждал продолжения.

Офелия посмотрела на письмо, лежавшее между нами.

— Я вернулась сюда, потому что узнала, что ваша мать умерла. Я хотела найти её могилу, оставить цветы и попросить прощения. Но когда пришла на кладбище, увидела вас.

Я замер.

— Меня?

Она кивнула.

— Вы стояли возле её могилы. Я не подошла. Просто смотрела издалека, пока вы не ушли.

Я попытался вспомнить тот день.

Серое небо. Холодный ветер. Белые цветы на мокрой земле.

Я действительно заметил тогда женщину возле соседнего ряда могил. Она стояла неподвижно, держа в руках небольшой букет, но я не придал этому значения.

— Почему вы не подошли?

— Потому что не знала, что сказать.

Она помолчала.

— А потом увидела объявление о работе в книжном магазине. Мне нужно было где-то начать заново. Я подумала, что, возможно, если останусь здесь, однажды смогу перестать бояться собственного прошлого.

— И вы не знали, что я приду?

— Нет.

Я посмотрел на неё.

— Значит, наша встреча действительно случайность.

Офелия слабо улыбнулась.

— Возможно.

Но затем её лицо снова стало серьёзным.

— Есть ещё кое-что, Андрей. То, о чём ваша мать не знала.

Я почувствовал, как внутри поднимается тревога.

— Что именно?

Офелия сложила письмо и убрала его обратно в конверт.

— Перед тем как исчезнуть из её жизни, я написала ей другое письмо. В нём было то, чего я никогда не смогла сказать вслух.

— И что вы написали?

Она долго молчала.

— Что я больше не хочу жить так, как жила раньше.

Я смотрел на неё, не понимая, что именно она пытается объяснить.

Офелия заметила моё замешательство и поспешно добавила:

— Я не имею в виду, что хочу умереть. Я хотела уйти от прежней жизни, перестать бояться, перестать чувствовать себя виноватой за всё, что происходило вокруг меня. Я хотела стать другим человеком.

Она опустила взгляд.

— Но я так и не научилась.

Я почувствовал облегчение, смешанное с тревогой. Мне не хотелось неправильно понять её слова, но ещё меньше хотелось пропустить то, что она пыталась сказать.

— Тогда, может быть, пора попробовать снова? — спросил я.

Офелия посмотрела на меня.

— Вы думаете, всё так просто?

— Нет. Но мне кажется, что вы слишком долго пытались справиться со всем самостоятельно.

Она ничего не ответила.

Я не знал, что ждёт нас впереди. Не знал, смогу ли помочь ей, не знал, сможет ли она однажды перестать винить себя за прошлое.

Но я знал одно.

Впервые за долгое время я не хотел уходить от человека только потому, что его боль пугала меня.

Когда я собрался домой, Офелия проводила меня до двести.

— Андрей?

Я обернулся.

— Да?

Она помедлила, словно собираясь с силами.

— Спасибо, что выслушали меня.

Я улыбнулся.

— Спасибо, что рассказали.

Она кивнула.

Я вышел на улицу и остановился под навесом, прежде чем направиться домой.

В кармане лежала записная книжка матери. В голове звучали её слова. А перед глазами стояло лицо девушки, которая много лет пыталась убедить себя, что не заслуживает прощения.

Я ещё не знал, что в следующие дни мы станем ближе, чем могли представить.

Не знал, что Офелия начнёт рассказывать мне о своём

детстве, о страхах и мечтах, о том, как когда-то хотела стать художницей.

Не знал, что однажды она покажет мне место, куда приходила, когда ей казалось, что весь мир отвернулся от неё.

И уж тем более я не знал, что однажды мне придётся вспомнить этот вечер и спросить себя, почему я не заметил, насколько сильно она нуждалась в помощи.

Потому что в тот момент мне казалось, что самое страшное уже осталось позади.

Я ошибался.

Некоторые истории только начинаются тогда, когда люди впервые решаются рассказать правду.

А иногда правда открывает дверь, которую уже невозможно закрыть.

Глава пятая. Человек, которого она ждала

После того вечера я начал замечать странности.

Офелия никогда не говорила о завтрашнем дне. Она могла часами рассказывать о книгах, о старых улицах, о людях, которых однажды встречала, но стоило мне спросить, чего она хочет сама, как её лицо становилось чужим.

— А ты когда-нибудь мечтала о чём-то по-настоящему?
— спросил я однажды, когда мы закрывали книжный магазин.

Она стояла у двери и пыталась попасть ключом в замочную скважину. С третьей попытки получилось.

— Конечно.

— И что случилось с твоими мечтами?

— Они выросли без меня.

Я усмехнулся, решив, что она шутит, но Офелия даже не улыбнулась.

Мы шли по мокрому тротуару. Дождь закончился недавно, и в лужах отражались жёлтые окна домов. Она держала руки в карманах пальто и время от времени поглядывала на телефон. Экран оставался тёмным.

— Ты кого-то ждёшь? — спросил я.

— Нет.

Ответ прозвучал слишком быстро.

Я не стал переспрашивать. За последние дни я понял, что у Офелии было много дверей, которые она закрывала изнутри. И если пытаться открыть их силой, она просто уходила.

У перекрёстка она остановилась.

— Андрей, можно тебя кое о чём попросить?

— Конечно.

— Если однажды я перестану приходить в магазин, ты не станешь меня искать.

Я посмотрел на неё.

— Это странная просьба.

— Знаю.

— Ты собираешься куда-то уезжать?

Она отвела взгляд.

— Все когда-нибудь куда-нибудь уходят.

— Не все исчезают без объяснений.

— Иногда объяснения ничего не меняют.

Она сказала это так тихо, что я едва расслышал. Затем попрощалась и пошла в сторону остановки.

Я смотрел ей вслед, пока её фигура не растворилась среди прохожих. В тот момент я впервые почувствовал не просто беспокойство, а страх. Страх, что Офелия уже давно приняла какое-то решение, а я опоздал даже не потому, что не знал правды, а потому, что не понимал, насколько она близко.

На следующий день она не пришла.

Впервые за всё время я увидел закрытые ставни книжно-

го магазина. На стекле висела маленькая записка: «Сегодня закрыто».

Я постучал, хотя понимал, что никто не откроет.

Потом позвонил ей.

Телефон был выключен.

Я прошёл до ближайшего кафе, вернулся обратно, несколько раз проверил экран и даже рассердился на себя за то, что веду себя как человек, которому уже есть что терять.

Но ведь так и было.

Я потерял мать. И долго убеждал себя, что вместе с ней потерял способность привязываться. Я научился жить один, не задавать лишних вопросов и не ждать звонков. Мне казалось, что одиночество — это не отсутствие людей, а отсутствие необходимости бояться за них.

Офелия разрушила эту удобную ложь всего за несколько дней.

Вечером я достал красную тетрадь матери. До этого я перечитывал её записи десятки раз, надеясь найти объяснение, почему имя Офелии занимало в них столько места.

Между страницами обнаружился сложенный листок, которого я раньше не замечал. Бумага пожелтела по краям, а почерк принадлежал матери.

«Если она снова вернётся в этот город, значит, ей больше некуда идти. Не спрашивай, почему она молчала. Сначала спроси, голодна ли она, не замёрзла ли и есть ли у неё место, куда она может вернуться вечером.

Иногда человеку нужно не объяснение, а доказательство, что мир ещё способен принять его обратно.

Но есть одна вещь, которую я так и не смогла ей сказать. Я обещала, что буду рядом в тот день.

Если меня не станет, пожалуйста, не позволяй ей думать, что она снова осталась одна».

Я перечитал последние строки.

«В тот день».

Какой день?

Я перелистнул тетрадь, проверил конверты, заглянул в коробку с мамиными документами. Ничего. Только старые фотографии, квитанции и несколько писем, которые мать так и не отправила.

Тогда я вспомнил слова Офелии: девять дней до тишины.

Я не знал, что именно она имела в виду. Но теперь мне казалось, что эти слова были не случайными.

Утром я снова пришёл к книжному магазину.

На этот раз дверь оказалась открыта.

Офелия сидела за прилавком. Перед ней лежала раскрытая книга, но она смотрела не на страницы, а куда-то сквозь них. Под глазами появились тёмные круги, волосы были собраны небрежно, а рядом стоял нетронутый стакан воды.

Увидев меня, она закрыла книгу.

— Ты пришёл.

— Ты не отвечала.

— Прости.

— Где ты была вчера?

Она помолчала.

— Дома.

— Почему телефон был выключен?

— Потому что мне нужно было побыть одной.

Я хотел сказать, что можно было хотя бы предупредить. Что я волновался. Что не обязан был бегать по городу в поисках девушки, которая сама попросила не искать её, если она исчезнет.

Но всё это звучало бы так, будто я имел на неё право.

А я не имел.

— Хорошо, — ответил я. — Главное, что ты здесь.

Она подняла на меня глаза, и на секунду в них появилось что-то похожее на удивление.

— Ты не будешь спрашивать?

— Буду. Но не сейчас.

Офелия опустила голову.

— Ты слишком добрый для человека, который почти ничего обо мне не знает.

— Возможно. А ты слишком часто решаешь за других, что они не выдержат правды.

Она замерла.

Я понял, что попал в точку, ещё до того, как она произнесла первое слово.

— Сегодня вечером, — сказала она, — я покажу тебе кое-что. Но ты должен пообещать, что не станешь меня жалеть.

— Не обещаю.

— Андрей...

— Я могу обещать, что выслушаю тебя. А вот что буду чувствовать после этого — решать не мне.

Она долго смотрела на меня, словно пыталась понять, не скрывается ли за моими словами очередная попытка спасти её, не спросив, хочет ли она спасения.

Потом кивнула.

— В семь. Приходи сюда. Только, пожалуйста, не опаздывай.

Весь оставшийся день я думал об этой встрече. В семь без пяти я уже стоял у магазина. Офелия ждала меня у входа, одетая в тёмное пальто. В руках она держала деревянную шкатулку, которую принесла та пожилая женщина.

Мы пошли к реке.

Вечер был холодным. Вода казалась почти чёрной, и редкие огни на другом берегу дрожали от ветра. Офелия выбрала скамейку под старым деревом и поставила шкатулку между нами.

— Я должна была показать это тебе раньше, — сказала она. — Но боялась, что ты увидишь во мне человека, которого твоя мама не смогла спасти.

— Моя мама никого не считала безнадёжным.

— Именно поэтому я её и подвела.

Она открыла шкатулку.

Внутри лежали фотографии, несколько пожелтевших ли-

стов и небольшой конверт. На фотографиях я увидел мать — гораздо моложе, чем запомнил её в последние годы. Рядом с ней стояла девочка с длинными волосами и испуганными глазами.

Офелия.

На одном снимке мать обнимала её за плечи. На другом они сидели за кухонным столом, а перед ними стояли две чашки и тарелка с печеньем. На третьем Офелия смеялась, запрокинув голову.

Я никогда не видел её такой.

— Это было до того, как я ушла, — произнесла она. — До того, как решила, что лучше исчезнуть, чем однажды увидеть, как человек устаёт от меня.

Я взял фотографию.

— Ты была ребёнком.

— Я уже тогда считала себя причиной всех чужих несчастий.

— Почему?

Она сжала пальцы.

— Потому что мне так сказали.

Ветер перелистнул верхний лист в шкатулке. Офелия прижала бумаги ладонью, словно боялась, что они разлетятся и вместе с ними исчезнет последнее доказательство её прошлого.

— Я не могу рассказать всё за один вечер, — сказала она.

— Но есть кое-что, что ты должен знать.

Она достала конверт. На нём было написано имя моей матери.

— Елена получила это за несколько дней до своей смерти. Я отправила письмо, когда узнала, что она тяжело больна. Долго не решалась, но всё-таки отправила.

— Ты сказала, что не успела с ней попрощаться.

— Не успела. Она не ответила.

Офелия протянула мне конверт.

— Я нашла его среди вещей, которые мне передали после её смерти. Он был нераспечатанным. Твоя мама так и не прочитала моё письмо.

Я не сразу взял его.

Бумага дрожала в её руках. Или в моих — я уже не мог понять.

— Почему ты отдаёшь его мне?

— Потому что там есть твоё имя.

Я поднял глаза.

— Моё?

Она кивнула.

— Я написала о тебе. О том, что помнила из её рассказов. О том, что хотела однажды познакомиться с тобой, но не решалась. Я думала, что после смерти Елены больше никогда не смогу это сделать.

Она замолчала, а потом добавила:

— Я не знала, что ты сам найдёшь меня.

Я осторожно развернул конверт. Внутри оказалось

несколько страниц, исписанных знакомым по её письмам аккуратным почерком. Но прежде чем я успел прочитать первую строку, Офелия накрыла листы ладонью.

— Только не здесь, — попросила она. — Пожалуйста.

Я вернул письмо в конверт.

— Хорошо.

Она посмотрела на воду.

— Через девять дней исполнится год с того дня, когда я решила вернуться сюда.

— И что произойдёт через девять дней?

Офелия не ответила сразу. Её лицо оставалось спокойным, но в этом спокойствии было что-то страшное — не отчаяние, не смирение, а усталость человека, который слишком долго нёс тяжесть и больше не знал, как её положить.

— Я обещала одному человеку, что приду, — наконец сказала она. — И я должна сдержать обещание.

— Кому?

Она закрыла шкатулку.

— Тому, кто однажды попросил меня не исчезать.

Я хотел спросить ещё, но она поднялась со скамейки.

— Мне пора.

— Офелия, подожди.

Она обернулась.

— Ты можешь рассказать мне всё. Не обязательно сегодня. Не обязательно завтра. Но тебе не нужно справляться со всем одной.

На её лице появилась улыбка — маленькая, почти незаметная. И от этой улыбки мне стало больнее, чем от любых её слёз.

— Ты говоришь так же, как Елена.

— Наверное, потому что я её сын.

— Нет, Андрей. Потому что она действительно верила в то, что говорила.

Офелия сделала несколько шагов, затем остановилась и обернулась ещё раз.

— Прочитай письмо, когда останешься один.

— Хорошо.

— И если после этого ты решишь, что не хочешь больше меня видеть... я пойму.

— Не решай за меня.

Она долго смотрела на меня. Потом едва заметно кивнула и ушла.

Я остался на скамейке, сжимая в руке конверт, который моя мать так и не открыла.

Мне казалось, что внутри лежит ответ на вопрос, который я ещё не успел задать.

Но я ошибался.

Там было нечто гораздо страшнее ответа.

Там была причина, по которой Офелия вернулась.

И причина, по которой она собиралась уйти снова.

Глава шестая. Письмо, которое опоздало

Я прочитал письмо дома, глубокой ночью.

Несколько раз я откладывал конверт на стол, наливал себе воды, подходил к окну и возвращался обратно. Мне казалось, что, пока я не открою его, всё ещё можно будет оставить как есть. Мама останется человеком, которого я помнил. Офелия — девушкой из книжного магазина. А прошлое, которое связывало их, так и останется за пределами моей жизни.

Но некоторые вещи не исчезают только потому, что мы боимся узнать о них правду.

Я осторожно вынул листы.

Письмо начиналось без приветствия.

«Елена, я долго не могла заставить себя написать тебе. Каждый раз, когда я брала ручку, мне казалось, что я снова становлюсь той семнадцатилетней девочкой, которая стояла у твоей двери и не знала, можно ли попросить о помощи.

Я помню твой голос. Ты спросила, ела ли я сегодня. Не спросила, почему я ушла из дома, кто меня обидел и почему я пришла именно к тебе. Ты просто спросила, голодна ли я.

Тогда я впервые за долгое время заплакала не от страха.

Я должна была сказать тебе спасибо. Должна была приез-

жать чаще, отвечать на твои звонки, не исчезать после каждого разговора, в котором ты пыталась убедить меня, что я имею право на собственную жизнь.

Но я боялась.

Ты видела во мне человека, которым я могла стать. А я видела только ту, которой была.

Мне казалось, что однажды ты устанешь ждать, что тебе надоест вытаскивать меня из темноты, что ты согласишься на меня и поймёшь: я не стою всех этих усилий.

Поэтому я ушла первой.

Мне казалось, что так будет не так больно.

Как же я ошибалась».

Я остановился.

Мама никогда не рассказывала мне об Офелии подробно. Я знал только, что в её жизни когда-то была девушка, которой она помогала. В детстве я представлял её дальней родственницей, потом решил, что это была одна из маминых знакомых.

Я не знал, что за этим именем стояли годы чужой боли.

Я продолжил читать.

«Недавно я узнала, что ты болеешь. Мне сказали, что тебе становится хуже, и я долго сидела с телефоном в руках, пытаюсь найти правильные слова.

Я хотела приехать.

Правда хотела.

Но снова испугалась.

Я думала, что ты не захочешь меня видеть. Что я появлюсь у твоей двери и напомним тебе обо всём, что причинила своим молчанием. Я убеждала себя, что не имею права нарушать твой покой только потому, что мне самой стало страшно потерять тебя.

Я всё откладывала поездку.

На завтра.

На выходные.

На следующую неделю.

А потом узнала, что тебя больше нет.

Елена, я не знаю, как жить с мыслью, что последняя возможность сказать тебе спасибо теперь существует только в моей голове.

Я даже не знаю, как правильно просить у тебя прощения, если ты уже никогда не сможешь ответить.

Мне хочется верить, что ты не сердишься на меня. Но, наверное, я не имею права просить об этом. Ты слишком много раз была рядом, а я слишком часто выбирала страх вместо тебя.

Я пишу тебе ещё об одном.

Я хочу познакомиться с твоим сыном.

Не потому, что мне нужно заменить тебя кем-то другим. И не потому, что я надеюсь найти в нём прощение, которого сама себе не могу дать.

Просто ты много о нём рассказывала.

Ты говорила, что он умеет долго молчать, когда ему боль-

но. Что он иногда делает вид, будто всё в порядке, потому что боится расстроить тех, кого любит. Ты переживала, что однажды он останется наедине со своей печалью и решит, что должен справляться с ней самостоятельно.

Я не знаю, какой он теперь. Не знаю, захочет ли он когда-нибудь встретить меня.

Но если судьба всё-таки сведёт нас, я постараюсь не прятаться.

Я не хочу больше исчезать из жизни людей, которые были ко мне добры.

Я хочу научиться оставаться.

Твоя Офелия».

На последней странице было приписано несколько строк другим почерком — маминым.

Я узнал его сразу.

«Если она когда-нибудь придёт, не говори ей, что я ждала.

Она и так слишком долго живёт с чувством вины.

Просто открой дверь».

Я перечитал эту фразу несколько раз.

Потом опустил письмо на стол и закрыл лицо руками.

Мне стало стыдно за все те годы, когда я считал, что хорошо знаю собственную мать. Я знал, как она пьёт чай, как складывает полотенца, как оставляет свет в коридоре, если я задерживаюсь. Я помнил её привычки, любимые фильмы, интонации и даже то, как она произносила моё имя, когда сердилась.

Но я не знал, сколько чужих жизней она пыталась удерживать от падения.

И не знал, сколько людей продолжали считать себя виноватыми перед ней даже после её смерти.

Я убрал письмо обратно в конверт и посмотрел на часы.

Было без двадцати три.

Я мог позвонить Офелии утром. Мог дожидаться, пока она сама появится в магазине. Мог сделать вид, что прочитанное ничего не изменило.

Но теперь я знал: за её просьбой не искать её скрывалось нечто большее, чем привычка к одиночеству.

Она заранее готовилась к прощанию.

И я не собирался делать вид, что не заметил этого.

На следующее утро книжный магазин открылся вовремя.

Офелия стояла у окна и переставляла книги на нижней полке. Когда я вошёл, она не обернулась, но по тому, как замерли её руки, я понял, что она узнала мои шаги.

— Ты прочитал? — спросила она.

— Да.

Она поставила книгу на место.

— И что теперь?

— Теперь я хочу спросить, почему ты так долго ждала, прежде чем отправить письмо.

Офелия медленно повернулась.

— Я уже написала тебе почему.

— Ты написала, что боялась. Но я хочу понять, чего именно ты боялась настолько сильно, что не смогла приехать к человеку, который тебя любил.

Её губы дрогнули.

— Я боялась увидеть, что она изменилась.

— Все меняются.

— Нет, Андрей. Я боялась увидеть, что она больше не ждёт меня.

Я не сразу нашёл, что ответить.

— А если бы она действительно перестала ждать? — продолжила Офелия. — Если бы я приехала, а она посмотрела бы на меня как на чужую? Если бы сказала, что я слишком поздно вспомнила о ней? Я не знаю, что было бы больнее: услышать это или никогда не узнать.

— Но ты так и не узнала.

— Да.

Она произнесла это почти спокойно.

— Я сама лишила себя ответа.

В магазине было тихо. За окном проехал автобус, кто-то засмеялся на улице, а потом всё снова стало обычным. Меня всегда поражало, как мир умеет продолжать жить, когда внутри человека что-то рушится.

— Офелия, — сказал я, — моя мама не могла всю жизнь ждать тебя и одновременно ненавидеть за то, что ты не приходишь.

— Я знаю.

— Нет. Ты знаешь это головой. А внутри продолжаешь наказывать себя так, будто её любовь нужно заслужить задним числом.

Она отвернулась.

— Ты не понимаешь.

— Возможно. Тогда объясни.

Офелия долго молчала. Я уже подумал, что она попросит меня уйти, но вместо этого она сняла с полки тонкую книгу и положила её на прилавок.

— Мне было семнадцать, когда я впервые поняла, что человек может жить в одном доме и всё равно не иметь места, где ему безопасно.

Она говорила, не глядя на меня.

— Я не хочу рассказывать тебе подробности. Не сейчас. Но дома мне было страшно. Я постоянно пыталась угадать настроение взрослых, говорить поменьше, занимать поменьше места, не просить ничего лишнего. Мне казалось, если я буду достаточно удобной, однажды меня оставят в покое.

Она провела пальцем по корешку книги.

— Потом я ушла. Думала, что самое трудное уже позади. Но оказалось, что можно покинуть дом и всё равно продолжать жить так, будто ты должна извиняться за само своё существование.

Я молчал.

— Елена помогла мне. Она не пыталась заставить меня рассказывать то, к чему я не была готова. Не требовала бла-

годарности. Не говорила, что я обязана быть сильной. Она просто оставляла для меня место за столом.

Офелия улыбнулась, но улыбка тут же исчезла.

— А я всё равно ушла.

— Ты была напугана.

— Я была трусихой.

— Нет.

— Андрей, не надо делать меня лучше, чем я есть.

— Я не делаю. Я просто не собираюсь соглашаться с тем, что страх делает тебя плохим человеком.

Она посмотрела на меня.

В её глазах стояли слёзы, но она не позволяла им упасть.

— Ты всегда так говоришь?

— Как?

— Будто человека можно понять, даже если он совершил что-то ужасное.

Я подумал о матери, о письме, о собственном упрямстве, с которым я годами избегал разговоров о её болезни. Я ведь тоже не был рядом так, как хотел бы теперь. Были дни, когда я спешил на работу, обещал позвонить позже и забывал. Были вечера, когда она пыталась поговорить со мной, а я отвечал, что устал.

Я тоже оставлял некоторые слова на потом.

— Нет, — ответил я. — Просто теперь я знаю, сколько стоит это «потом».

Офелия опустила голову.

Впервые с момента нашего знакомства она заплакала при мне.

Без красивых жестов, без попыток скрыть лицо, без привычной улыбки, которой она словно заранее просила прощения за собственную слабость. Она просто стояла у прилавка, прижав ладонь ко рту, и пыталась дышать.

Я не стал сразу обнимать её. Не хотел решать за неё, чего она сейчас хочет.

Я только спросил:

— Можно я побуду рядом?

Она кивнула.

Тогда я подошёл и осторожно обнял её.

Офелия вцепилась пальцами в спину моей куртки так, словно несколько лет удерживала в себе этот плач и теперь боялась, что, если отпустит хоть на секунду, он снова исчезнет, не дав ей облегчения.

Мы долго стояли посреди пустого магазина.

Я не говорил, что всё будет хорошо. Не обещал, что боль однажды закончится. Не просил её успокоиться.

Я просто оставался рядом.

И, возможно, именно это было тем, чего ей так долго не хватало.

Когда Офелия немного успокоилась, она отошла к окну и вытерла лицо бумажной салфеткой.

— Прости, — сказала она.

— За что?

— За то, что ты это увидел.

— Мне жаль, что тебе приходилось плакать одной.

Она посмотрела на меня с таким выражением, будто я сказал что-то совершенно непонятное.

— Знаешь, что самое страшное? — спросила она.

Я покачал головой.

— Я почти забыла, каково это — не бояться, что после слёз человек уйдёт.

Мне захотелось сказать, что я не уйду. Но я вспомнил её просьбу не обещать того, чего нельзя гарантировать, и удержался.

Вместо этого я ответил:

— Я сейчас здесь.

Она медленно кивнула.

Потом достала из кармана телефон, посмотрела на экран и резко побледнела.

— Что случилось? — спросил я.

— Ничего.

Но телефон она не убрала. Её пальцы дрожали.

— Офелия.

Она выключила экран.

— Сегодня мне нужно уйти пораньше.

— Куда?

— Есть одно место, куда я должна сходитьь.

— Можно с тобой?

— Нет.

Она произнесла это слишком резко, а затем смягчила голос:

— Пожалуйста. Мне нужно сделать это самой.

Я не стал спорить.

Она закрыла магазин раньше обычного. Перед уходом долго стояла у двери, проверяя замок, хотя он был заперт. Потом посмотрела на меня.

— Завтра я расскажу тебе кое-что ещё.

— Хорошо.

— Но если после этого ты захочешь уйти, я не стану тебя удерживать.

— Офелия, я не могу обещать, что никогда не уйду. Никто не может. Но я могу обещать, что не исчезну молча, заставив тебя гадать, что ты сделала не так.

Она долго смотрела на меня.

— Спасибо, — прошептала она.

И ушла.

Я остался в пустом магазине, среди книг, которые хранили тысячи чужих историй. На прилавке лежала забытая ею салфетка. Я машинально выбросил её, погасил свет и вышел на улицу.

Только у дома я заметил, что Офелия оставила у меня в кармане маленькую записку.

Я развернул её под фонарём.

На листке было написано всего одно предложение:

«Если завтра я не смогу прийти, пожалуйста, не думай, что я передумала тебе доверять».

Я перечитал записку.

Потом ещё раз.

И вдруг понял, что все эти дни она говорила со мной так, будто прощалась не только с прошлым.

Она словно пыталась оставить мне инструкции на случай, если однажды её снова не окажется рядом.

Я достал телефон и набрал её номер.

Гудки шли долго.

Потом она ответила.

— Андрей?

Её голос был тихим и непривычно усталым.

— Я получил записку.

Молчание.

— Офелия, где ты сейчас?

Она не ответила сразу.

А потом произнесла слова, после которых я перестал чувствовать холодный воздух на лице.

— На кладбище.

— У кого?

Я услышал её дыхание.

— У человека, которого я должна была забыть.

Связь оборвалась.

Я перезвонил, но телефон уже был выключен.

И впервые за всё время я испугался не того, что Офелия

может исчезнуть.

Я испугался того, что она всё это время пыталась подготовить меня к правде, которую сама едва выдерживала.

Глава седьмая. Имя на холодном камне

Я не помню, как добрался до кладбища.

Помню только дорогу, красные огни светофоров, собственное отражение в тёмном стекле автобуса и телефон, который я сжимал в руке, словно от этого зависело, ответит ли Офелия на очередной звонок.

Она не отвечала.

Я знал, что не имею права требовать от неё объяснений. Мы были знакомы всего несколько дней. Она не обещала мне ничего, кроме осторожного доверия, которое каждый раз давалось ей с таким трудом, будто за него приходилось платить.

Но я уже не мог относиться к ней как к случайной знакомой.

Возможно, всё началось с маминого письма. Возможно, раньше — с той первой встречи в книжном магазине, когда Офелия посмотрела на меня так, словно узнала человека, которого никогда прежде не видела.

А может быть, я просто слишком долго жил рядом с собственной болью, чтобы не заметить чужую.

У ворот кладбища было пусто. Дежурный объяснил, что часть территории уже закрыта, но после моего вопроса о молодой женщине в тёмном пальто указал на дорожку между

старыми деревьями.

— Там недавно кто-то был, — сказал он. — Вон в ту сторону прошла.

Я поблагодарил его и поспешил туда.

На кладбище всегда существовала особенная тишина. Не та, что бывает ночью в пустой квартире, когда слышно собственное дыхание и каждый звук кажется слишком громким. Здесь тишина была старше человека. Она ничего не требовала, никого не осуждала и не пыталась утешить.

Она просто оставалась.

Я увидел Офелию возле небольшой могилы в дальнем ряду.

Она стояла спиной ко мне, держа в руках белые цветы. Пальто было расстёгнуто, волосы растрепал ветер. На земле возле памятника лежала раскрытая книга, которую она, вероятно, принесла с собой.

Я остановился в нескольких шагах.

— Офелия.

Она вздрогнула, но не обернулась.

— Я просила тебя не приходить.

— Я знаю.

— Тогда зачем ты здесь?

Я посмотрел на памятник.

На камне было высечено имя: **Алиса Воронцова.**

Под ним — две даты. Между ними помещалась всего двадцать одна цифра, если считать обе даты вместе. Но я поче-

му-то не мог заставить себя прочитать их ещё раз.

Офелия медленно повернулась ко мне.

Её лицо было бледным, глаза покраснели.

— Ты не должен был этого видеть, — сказала она.

— Я ничего не понимаю.

— Так даже лучше.

— Для кого?

Она отвела взгляд.

Я подошёл ближе и остановился рядом с ней. Теперь я видел фотографию на памятнике: молодая девушка с короткими волосами, тонкими чертами лица и улыбкой, в которой было что-то удивительно живое.

Она выглядела почти ровесницей Офелии.

— Кто она? — спросил я.

Офелия закрыла глаза.

— Моя сестра.

Эти два слова прозвучали так просто, что я не сразу понял их значение.

Я снова посмотрел на фотографию.

— Ты никогда о ней не рассказывала.

— Я вообще мало о себе рассказывала.

— Она умерла давно?

Офелия сжала цветы так сильно, что один из стеблей надломился.

— Достаточно давно, чтобы все остальные научились жить дальше.

— А ты?

Она посмотрела на могилу.

— Я научилась делать вид.

Я не стал задавать следующий вопрос. Иногда молчание — единственная возможность не разрушить то, что человек наконец решился показать.

Офелия положила цветы у памятника и присела на корточки. Осторожно поправила ленту на букете, убрала сухой лист с камня, провела пальцами по краю фотографии.

В этих движениях было столько привычной нежности, что мне стало неловко за собственное присутствие.

— Алиса была младше меня на три года, — начала она. — Когда мы были маленькими, она всегда спала у стены, потому что боялась упасть с кровати. Я обещала, что никогда не позволю ей упасть.

Она тихо усмехнулась.

— Глупое обещание. Детское. Но я очень серьёзно к нему относилась.

— Вы были близки?

— Когда никого не было рядом — да.

Она замолчала, словно выбирала между правдой и тем, что ещё могла вынести.

— Дома всё было сложно. Я не хочу рассказывать подробности. Алиса оставалась там дольше меня. Я уехала, когда мне исполнилось семнадцать. Елена помогла мне начать новую жизнь. Я думала, что когда-нибудь смогу вернуться и

забрать сестру. Думала, что стану достаточно взрослой, достаточно сильной, найду работу, жильё, деньги...

Она поднялась.

— Я думала, что у меня будет время.

Я почувствовал, как внутри что-то сжалось.

Это слово снова возникло между нами.

Время.

Мы оба слишком хорошо знали, как легко оно превращается в оправдание.

— Что произошло? — спросил я.

Офелия долго смотрела на фотографию Алисы.

— Однажды мне позвонили.

Она произнесла это почти беззвучно.

— Я была на работе. Не взяла трубку сразу, потому что у меня были посетители. Потом увидела несколько пропущенных вызовов с незнакомого номера. Перезвонила только через сорок минут.

Она замолчала.

Я не торопил её.

— Мне сообщили, что Алису увезли в больницу. Когда я приехала, её уже не было.

Ветер качнул ветви деревьев. Где-то вдалеке закрылась металлическая калитка.

Офелия продолжала смотреть на могилу.

— Я не успела с ней поговорить. Не успела сказать, что собиралась приехать. Не успела объяснить, почему так долго

молчала. Мне осталось только слушать чужие слова о том, что ничего уже нельзя изменить.

Она повернулась ко мне.

— А потом я узнала, что она пыталась связаться со мной раньше. Несколько раз. Я не ответила на сообщения. Иногда была занята. Иногда уставала. Иногда думала, что отвечу позже, когда смогу нормально поговорить.

Её голос задрожал.

— Последнее сообщение я прочитала уже после похорон. Я не знал, что сказать.

Все привычные слова утешения казались оскорбительно маленькими рядом с тем, что она рассказывала.

— Что она написала? — спросил я наконец.

Офелия достала телефон. Экран был поцарапан, чехол потёрся на углах. Она долго искала что-то в переписке, потом протянула мне аппарат.

На экране было сообщение, отправленное много лет назад.

«Оф, ты когда-нибудь приедешь? Мне нужно с тобой поговорить. Только не говори маме, пожалуйста. Я хочу сначала рассказать тебе. Я скучаю».

Ниже стоял её короткий ответ, отправленный спустя два дня:

«Прости, я занята. Позвоню на выходных».

Следующего сообщения не было.

Я вернул телефон.

Офелия убрала его в карман.

— Я всё время думаю о том, что могла бы приехать раньше. Что могла бы ответить. Что могла бы хотя бы услышать её голос.

— Ты не знала, что случится.

— Но я знала, что она нуждается во мне.

— Ты тоже тогда пыталась выжить.

— А она осталась там одна.

В её голосе не было обвинения в мой адрес. Только приговор, который она вынесла самой себе много лет назад и с тех пор каждый день приводила в исполнение.

— Андрей, — сказала она, — я не прошу тебя меня понять. Я просто хочу, чтобы ты знал: когда я говорю, что боюсь потерять людей, я не придумываю себе страшные истории. Я уже знаю, как выглядит жизнь после того, как ты не успел.

Я смотрел на неё и думал о матери.

О её последних месяцах. О моих обещаниях позвонить позже. О вечерах, когда я уходил, не заметив, что она задерживала меня у двери, будто хотела сказать что-то важное.

Мне тоже было что вспомнить.

Но сейчас моя боль не имела права становиться главной.

— Ты не могла спасти всех, — сказал я.

Офелия покачала головой.

— Я даже не смогла спасти одного человека.

— Ты была её сестрой, а не всем миром.

Она резко отвернулась.

— Не говори так.

— Почему?

— Потому что, если я перестану считать себя виноватой, мне придётся признать, что я действительно ничего не могла изменить.

Она произнесла это с таким ужасом, будто вина была единственной ниточкой, которая ещё связывала её с Алисой.

И я вдруг понял.

Офелия не просто наказывала себя. Она боялась, что без этого наказания потеряет сестру ещё раз. Пока она винила себя, у трагедии оставалась причина. Её можно было объяснить, разложить на ошибки, возвращаться к каждому моменту и представлять, что всё могло закончиться иначе.

А принять бессмысленность случившегося означало признать, что иногда люди уходят, даже если их любят. Даже если за них переживают. Даже если тысячу раз обещают себе, что больше никогда не опоздают.

Это было страшнее любой вины.

Я сел на холодную скамейку неподалёку от могилы.

— Моя мама тоже умерла, пока я думал, что ещё успею,
— сказал я.

Офелия посмотрела на меня.

— Андрей...

— Я не был плохим сыном. По крайней мере, мне хочется в это верить. Я заботился о ней, помогал, приезжал. Но

иногда мне хотелось побыть одному. Иногда я не отвечал на звонки, потому что был занят своими делами. Иногда я говорил, что мы поговорим завтра.

Я посмотрел на свои руки.

— А потом завтра закончилось.

Офелия ничего не сказала.

— Я долго пытался найти момент, в котором всё могло бы измениться. Думал, если пойму, что именно сделал неправильно, то смогу как-то исправить это хотя бы в собственной памяти. Но не смог.

— И что ты сделал?

— Продолжил жить. Не потому, что перестал скучать. И не потому, что простил себя за каждую упущенную минуту. Просто однажды понял, что моя мама не хотела бы, чтобы вся моя жизнь превратилась в бесконечное извинение перед ней.

Офелия села рядом.

Между нами оставалось немного места, но она не пыталась его сократить.

— А если Алиса хотела, чтобы я приехала? — спросила она.

— Возможно, хотела.

Она закрыла глаза.

— Спасибо за честность.

— Но это не значит, что она хотела бы, чтобы ты больше никогда не была счастлива.

Офелия молчала.

— Ты не обязана забывать её, чтобы жить, — продолжил я. — И не обязана всю жизнь оставаться той девушкой, которая не успела ответить на одно сообщение.

Она долго смотрела на памятник.

— Я не знаю, как быть другой.

— Я тоже не знаю, как быть человеком, который потерял мать и больше не может ей позвонить. Наверное, мы оба учимся.

Офелия впервые за этот вечер посмотрела на меня без привычной настороженности.

— Ты ведь понимаешь, что я не могу просто взять и перестать себя винить?

— Понимаю.

— И что иногда мне кажется, будто я не заслуживаю ничего хорошего?

Я не ответил сразу.

— Понимаю, — повторил я. — Но я не собираюсь подтверждать это только потому, что ты сама в это веришь.

Она отвернулась, и по её щеке скатилась слеза.

На этот раз она не стала её вытирать.

Мы ушли с кладбища, когда начало темнеть.

По дороге Офелия рассказала, что приходит к Алисе почти каждую неделю. Иногда приносит цветы, иногда читает вслух книги, которые та любила. Иногда просто сидит рядом

и рассказывает о событиях, которые больше некому рассказать.

— Ты говоришь с ней? — спросил я.

— Да.

— Что рассказываешь?

— Что открыла новую книгу. Что в магазине опять протекает крыша. Что встретила человека, который слишком много задаёт вопросов.

Я улыбнулся.

— Это я?

— Других таких я не знаю.

— Звучит почти как комплимент.

— Не привыкай.

В её голосе на мгновение появилась прежняя лёгкость. Я поймал себя на том, что радуюсь ей непропорционально сильно, будто услышал не шутку, а доказательство того, что Офелия ещё способна возвращаться к жизни.

У остановки она остановилась.

— Теперь ты знаешь, почему я не люблю обещания.

— Знаю.

— И почему я иногда исчезаю.

— Я понимаю, что тебе бывает трудно.

Она внимательно посмотрела на меня.

— Это не одно и то же.

— Нет. Не одно и то же.

Я не стал притворяться, что после одного разговора понял

её полностью. Любовь к человеку не делает нас всеведущими. Иногда она только учит внимательнее слушать.

Офелия поправила воротник пальто.

— Завтра я хочу показать тебе одно место.

— Какое?

— Дом, в котором я жила с Алисой.

Я не стал спрашивать, зачем.

— Хорошо.

Она кивнула, потом неожиданно взяла меня за руку.

Всего на несколько секунд.

Её ладонь была холодной.

— Спасибо, что сегодня не пытался меня спасти, — сказала она.

— Я не знаю, как это сделать.

— Именно.

Она отпустила мою руку и подошла к подъезжающему автобусу.

Перед тем как войти, обернулась.

— Андрей?

— Да?

— Ты ведь не думаешь, что я сумасшедшая, потому что разговариваю с умершей сестрой?

Я посмотрел на неё.

— Нет. Я думаю, что ты очень по ней скучаешь.

Она кивнула и исчезла за закрывшимися дверями.

Я остался на остановке, пока автобус не скрылся за пово-

ртом.

В тот вечер я впервые подумал, что, возможно, Офелия вернулась в этот город не только ради Елены и не только ради Алисы.

Возможно, она пыталась найти место, где её прошлое перестало бы преследовать её.

Но я ещё не знал, что у каждого города есть свои тайны. И что некоторые дома хранят их гораздо дольше, чем люди способны помнить.

На следующий день Офелия собиралась открыть дверь в тот дом, из которого когда-то сбежала.

И я ещё не подозревал, что за этой дверью меня ждёт не только её прошлое.

Там находилось письмо, которое Алиса написала незадолго до смерти.

Письмо, которое Офелия никогда не видела.

И которое могло изменить всё, во что она верила о последнем дне своей сестры.

Глава восьмая. Дом, который помнил всё

На следующий день Офелия опоздала на двадцать минут.

Я ждал её возле старой автобусной остановки, рассматривая прохожих и пытаюсь угадать, кто из них несёт в себе такую же тяжесть, как она. Мне всё чаще казалось, что у каждого человека есть история, которую он никому не рассказывает. Просто одни научились прятать её за улыбками, другие — за раздражением, а третьи, как Офелия, за молчанием.

Она появилась из-за угла, держа в руках небольшой бумажный пакет.

— Прости, — сказала она. — Я не могла найти ключи.

— Ничего страшного.

— Ты давно здесь?

— Достаточно, чтобы начать думать, что ты передумала.

Офелия остановилась.

— Я бы предупредила.

— Знаю.

Она внимательно посмотрела на меня, словно проверяя, действительно ли я верю собственным словам.

— Тогда пойдём.

Мы сели на автобус и поехали в старую часть города. Дорога заняла почти сорок минут. За окнами постепенно исче-

зали новые здания, магазины и шумные перекрёстки. Вместо них появились невысокие дома с облупившейся краской, заросшие палисадники и узкие улицы, по которым словно давно никто не спешил.

Офелия всю дорогу смотрела в окно.

Иногда её пальцы начинали беспокойно двигаться, будто она перебирала невидимые бусины. Иногда она прикрывала глаза и глубоко вдыхала. Я не спрашивал, о чём она думает.

Когда автобус остановился, она первой поднялась с места.
— Здесь, — сказала она.

Перед нами стоял двухэтажный дом с выцветшим фасадом. На первом этаже окна были заколочены деревянными щитами, а возле входа росло старое дерево, корни которого приподняли несколько плиток тротуара. На стене сохранился номер дома, но цифры почти стёрлись.

Я посмотрел на Офелию.

Она не двигалась.

— Ты можешь передумать, — сказал я.

— Я уже слишком много раз передумывала.

Она достала ключ.

Несколько секунд держала его на ладони, потом подошла к двери.

Замок поддался не сразу. Офелия повернула ключ один раз, второй, тихо выругалась и попробовала ещё. Наконец дверь открылась с протяжным скрипом.

Изнутри пахло пылью, сыростью и чем-то давно забы-

тым.

Мы вошли.

В прихожей стоял старый шкаф без одной дверцы. На полу валялись куски штукатурки, а у стены лежала перевёрнутая обувная коробка. По потолку тянулась трещина. Дом выглядел так, словно его не просто покинули, а постепенно вычеркнули из чьей-то жизни.

Офелия сняла перчатки.

— Здесь почти ничего не изменилось.

— Ты давно не приходила?

— В последний раз — на похороны.

Она произнесла это без подробностей и пошла дальше.

Я последовал за ней по узкому коридору. В одной из комнат сохранился старый диван, накрытый выцветшей простыней. В другой стоял пустой книжный шкаф. На стене виднелись прямоугольные следы от фотографий, которые когда-то висели там.

Офелия остановилась перед дверью в конце коридора.

— Это была наша комната.

Она открыла дверь.

Комната оказалась небольшой. Две кровати стояли у противоположных стен, между ними помещался стол с выдвижными ящиками. На подоконнике лежали засохшие листья. Обои с рисунком мелких цветов местами отошли от стены.

Я попытался представить двух девочек, которые когда-то жили здесь, делились секретами, спорили из-за мелочей и

засыпали, не подозревая, что однажды их жизнь разделится на «до» и «после».

— Я спала здесь, — Офелия указала на кровать возле окна. — Алиса — там.

Она провела пальцами по краю стола.

— Она любила рисовать. Могла сидеть здесь часами, даже когда у неё не было нормальных карандашей. Рисовала на полях учебников, на обороте чеков, на старых газетах. Я ругалась, потому что боялась, что она испортит вещи, а она говорила, что однажды станет художницей и тогда купит себе столько бумаги, сколько захочет.

Офелия улыбнулась.

— Она всегда была увереннее меня.

Я посмотрел на стол.

— А ты что любила?

Она задумалась.

— Я любила придумывать, как мы будем жить, когда вырастем.

— И как вы собирались жить?

— В маленькой квартире. С большим окном и кухней, где можно было бы поставить стол на двоих. Алиса хотела кота. Я говорила, что сначала нужно научиться платить за жильё. Она отвечала, что кот не будет спрашивать у нас справку о доходах.

Я рассмеялся.

Офелия тоже улыбнулась, но её улыбка быстро исчезла.

— Я обещала ей, что мы уедем отсюда вместе.

Она села на край кровати.

— Когда я уехала одна, я сказала, что вернусь. Что это ненадолго. Что я найду работу, устроюсь, а потом заберу её. Я действительно так думала, Андрей. Я не бросала её намеренно.

— Я тебе верю.

Она закрыла лицо ладонями.

— Но я всё равно уехала.

Я сел рядом, оставив между нами небольшое расстояние.

— Ты не могла знать, что всё сложится именно так.

— А если бы могла?

— Тогда, возможно, ты поступила бы иначе. Но ты не знала будущего. Ты принимала решения с теми силами и возможностями, которые у тебя были тогда.

Офелия долго молчала.

— Иногда я ненавижу себя за то, что после её смерти продолжала жить, — сказала она. — Я ела, спала, ходила на работу. Покупала продукты. Смеялась над чужими шутками. А Алисы больше не было.

— То, что ты продолжала жить, не означает, что ты забыла её.

— Но мне казалось, что я предаю её каждым обычным днём.

Я вспомнил мамину запись: «Не позволяй ей думать, что она снова осталась одна».

Теперь я понимал, почему мать так переживала за Офелию. Она видела, как та постепенно превращала свою жизнь в наказание.

— А если бы Алиса осталась жива, — спросил я, — ты хотела бы, чтобы она тоже перестала радоваться всему, что у неё есть, только потому, что тебе плохо?

Офелия подняла голову.

— Нет.

— Почему?

— Потому что я любила её.

— Вот именно.

Она отвернулась к окну.

Ветер шевелил сухие ветви за стеклом. На мгновение мне показалось, что дом дышит вместе с нами — медленно, тяжело, с усилием.

Офелия встала и подошла к столу.

— Здесь должны были остаться её вещи.

Она выдвинула верхний ящик. Внутри лежали несколько старых ручек, пустой блокнот и ржавые скрепки. Во втором ящике нашлась школьная тетрадь, в третьем — фотография, на которой Алиса держала в руках самодельную открытку.

Офелия осторожно подняла её.

На лицевой стороне было нарисовано два домика. Между ними тянулась дорога, а над дорогой стояло кривое солнце.

— Она нарисовала это в день моего рождения, — прошептала Офелия. — Сказала, что один дом будет мой, другой —

её, а дорога всегда будет соединять нас.

Я посмотрел на рисунок.

— Красиво.

— Она рисовала плохо.

— Ты ужасно о ней отзываешься.

Офелия тихо рассмеялась. Смех прозвучал неожиданно и почти болезненно — словно она на секунду забыла, что имеет право смеяться в этом доме.

Потом она перевернула открытку.

На обратной стороне были написаны слова:

«Оф, если мы когда-нибудь поссоримся, ты всё равно должна вернуться. Я буду ждать».

Офелия прижала открытку к груди.

Я не знал, сколько времени прошло, пока она стояла так, закрыв глаза. Мне хотелось обнять её, но я боялся нарушить этот момент. Иногда человеку нужно не чужое утешение, а возможность побыть рядом с тем, кого больше нет.

Наконец она положила открытку в бумажный пакет.

— Я заберу её с собой.

— Конечно.

Она снова осмотрела стол и заметила, что один из ящиков застрял. Потянула на себя, но тот не поддался.

— Поможешь?

Я подошёл. Мы попробовали вместе. Дерево скрипнуло, ящик сдвинулся, и из-за задней стенки на пол упал небольшой конверт.

Офелия застыла.

На конверте было написано её имя.

Не полное — только «Оф».

Она подняла его с пола так осторожно, словно он мог рассыпаться у неё в руках.

— Это почерк Алисы, — сказала она.

Я ничего не ответил.

Конверт был закрыт. На сгибе бумаги сохранилась старая полоска прозрачной ленты. Дата отсутствовала.

Офелия провела пальцем по своему имени.

— Я никогда не видела этого письма.

— Возможно, она не успела его отправить.

— Но почему оно лежало здесь?

Она посмотрела на стол, потом на ящик, словно пыталась вспомнить, когда последний раз открывала его. В её лице появилось выражение, которого я ещё не видел: не только страх, но и надежда.

Осторожная, почти болезненная надежда, что прошлое может оказаться не таким, каким она его помнила.

— Открой, — тихо сказал я.

Она покачала головой.

— Я не могу.

— Тогда не нужно торопиться.

Офелия крепко сжала конверт.

— А если там написано что-то плохое?

— Тогда ты узнаешь правду.

— А если там написано что-то хорошее?

Я посмотрел на неё.

— Тогда ты тоже узнаешь правду.

Она опустилась на кровать, положила конверт на колени и долго смотрела на него.

Потом осторожно разорвала край.

Внутри лежал один лист, сложенный вчетверо.

Офелия развернула его.

Сначала она читала молча. Её глаза двигались по строкам, губы слегка шевелились. Потом она вернулась к началу и перечитала всё ещё раз.

Я видел, как меняется её лицо.

Сначала исчезло напряжение. Затем она нахмурилась. Потом побледнела настолько, что я невольно сделал шаг к ней.

— Что там? — спросил я.

Она не ответила.

— Офелия?

Она протянула мне письмо.

— Прочитай.

Почерк Алисы был неровным, местами буквы расплывались, будто она писала в спешке.

«Оф, я не знаю, как тебе это сказать, поэтому напишу.

Я знаю, что ты думаешь, будто должна была забрать меня с собой. Ты говорила об этом в последний раз, когда мы разговаривали. Но я хочу, чтобы ты перестала думать, что обязана вернуться за мной только потому, что я осталась здесь.

Я не сержусь на тебя.

Правда.

Я знаю, что тебе было плохо. Я знаю, почему ты ушла. И я не хочу, чтобы ты возвращалась только из чувства вины.

Я хочу уехать отсюда сама.

Я уже нашла место, где можно учиться рисовать. Мне страшно, но я попробую. Может быть, у меня получится. Может быть, нет. Но я хочу хотя бы раз принять решение не потому, что кто-то ждёт от меня определённого поступка, а потому, что я сама этого хочу.

Когда мы снова увидимся, я расскажу тебе всё.

Только обещай, что не будешь ругать меня за то, что я не дождалась тебя.

И ещё.

Я скучаю.

Иногда мне хочется просто позвонить тебе и рассказать какую-нибудь глупость, как раньше. Но я знаю, что ты стараешься устроить свою жизнь, и не хочу мешать.

Поэтому напишу здесь.

Я люблю тебя, Оф.

И я хочу, чтобы у тебя тоже всё получилось».

Под письмом стояла дата.

Она была написана за несколько месяцев до смерти Алисы.

Я дочитал и поднял глаза.

Офелия сидела неподвижно. Лист лежал у неё на коленях.

— Она не сердилась на тебя, — сказал я.

Офелия покачала головой.

— Я не знала.

— Теперь знаешь.

— Но я всё равно не приехала.

— Да.

Она посмотрела на меня, словно ожидала, что я сейчас отниму у неё право на горе, скажу, что всё простилось, что больше нет причин плакать.

Но я не мог этого сделать.

Письмо не возвращало Алису. Не отменяло последнего сообщения, на которое Офелия не ответила. Не стирало тех лет, когда две сестры жили порознь.

Оно лишь открывало маленькую дверь в прошлое, за которой оказалось не обвинение, а любовь.

Иногда именно это причиняет самую сильную боль.

— Она собиралась уехать, — прошептала Офелия. — Она хотела начать новую жизнь. А я всё это время думала, что она ждала меня.

— Она могла ждать тебя и одновременно хотеть собственной жизни.

Офелия посмотрела на письмо.

— Значит, я всё это время наказывала себя за то, чего она от меня не требовала.

Я не стал отвечать.

Потому что не знал, можно ли освободиться от многолет-

ней вины за один вечер. И не хотел превращать её открытие в ещё одно обещание, которое она должна будет выполнить.

Она осторожно сложила письмо и убрала его в конверт.

— Я хочу забрать всё, что осталось, — сказала она. — Фотографии, открытку, её рисунки. Не хочу больше оставлять их в этом доме.

— Я помогу.

Мы провели там ещё почти час. Нашли несколько тетрадей, коробку с карандашами, старую фотографию матери и Алисы, которую Офелия раньше не видела. На снимке Елена стояла возле больничного входа, а рядом с ней Алиса держала в руках бумажный стаканчик.

На обороте было написано:

«Наш первый разговор. Она спросила, где Офелия».

Офелия долго смотрела на фотографию.

— Елена искала её? — спросил я.

— Да. После того как я уехала, она пыталась узнать, как у Алисы дела. Иногда помогала ей, когда могла. Но Алиса не хотела, чтобы я возвращалась только ради неё.

Она убрала фотографию в пакет.

— Моя мама не знала об этом.

— Ты никогда ей не рассказывала?

— Нет. Я боялась, что она будет сердиться на Алису за то, что та осталась. А Алиса боялась, что я не вернусь, если узнаю, что она справляется сама.

Офелия посмотрела на пустой стол.

— Мы обе боялись одного и того же. И обе молчали.

Я подумал о том, сколько отношений рушится не из-за отсутствия любви, а из-за попыток защитить друг друга от правды. Люди скрывают страх, чтобы не тревожить близких. Не отвечают на сообщения, чтобы не мешать. Уходят первыми, чтобы не оказаться брошенными.

А потом годами живут с последствиями собственных попыток уберечь друг друга.

Перед уходом Офелия вернулась в комнату и остановилась посреди неё.

— Я думала, что больше никогда сюда не войду.

— И что ты чувствуешь теперь?

Она посмотрела на рисунок двух домиков, который держала в руках.

— Мне всё ещё больно. Но впервые за долгое время я не чувствую, что должна остаться здесь навсегда.

Мы вышли на улицу и закрыли дверь.

Офелия проверила замок, положила ключ в карман и отошла на несколько шагов. Потом обернулась к дому.

— Прощай, Алиса, — произнесла она.

Это было первое настоящее прощание, которое я услышал от неё.

Не обещание вернуться. Не просьба о прощении. Не попытка договориться с прошлым.

Просто прощание.

Мы пошли к остановке.

По дороге Офелия несла пакет обеими руками, словно внутри находилось не несколько старых вещей, а целая жизнь, которую она наконец решилась забрать с собой.

У перекрёстка она остановилась.

— Андрей, можно я задам тебе вопрос?

— Конечно.

— Ты когда-нибудь чувствовал, что встретил человека слишком поздно?

Я подумал о ней. О маме. О том, что ещё неделю назад Офелия была для меня незнакомкой, а теперь я не мог представить, что снова увижу её на улице и пройду мимо, не остановившись.

— Да, — ответил я. — Но иногда встреча всё равно происходит вовремя. Просто не так, как мы ожидали.

Она посмотрела на меня.

— А если у нас осталось совсем мало времени?

Я почувствовал, как внутри снова возникло то самое беспокойство, которое не покидало меня с первого дня.

— Почему ты постоянно говоришь о времени?

Офелия опустила глаза.

— Потому что скоро мне придётся принять решение.

— Какое?

Она не ответила.

Мы дошли до остановки. Автобус появился из-за поворота, и Офелия сделала шаг вперёд, но вдруг остановилась и взяла меня за руку.

— Спасибо, что пришёл со мной сегодня.

— Я рад, что ты показала мне этот дом.

— Я тоже.

Она отпустила мою руку и вошла в автобус.

Я остался на тротуаре, глядя, как она садится у окна. Перед тем как двери закрылись, Офелия подняла голову и посмотрела на меня.

Впервые за всё время в её взгляде не было просьбы о прощении.

Только печаль.

И что-то ещё, чему я тогда не сумел подобрать название.

Я понял это лишь вечером, когда вернулся домой и нашёл в кармане пальто маленький листок.

Наверное, Офелия положила его туда, пока мы стояли возле дома.

На листке было написано:

«Если однажды ты узнаешь обо мне всё и поймёшь, что не можешь остаться рядом, пожалуйста, не вини себя. Я не хочу, чтобы ещё один человек прожил свою жизнь, пытаясь исправить мою».

Я долго сидел с этой запиской в руках.

Потом достал календарь и пересчитал дни с того вечера, когда Офелия впервые заговорила о тишине.

До назначенной даты оставалось пять дней.

И я наконец понял, что она не просто собиралась куда-то уйти.

Она готовилась к встрече, которую считала последней возможностью исправить прошлое.

Я ещё не знал, что именно ждало её в тот день.

Но теперь знал другое.

Если я хотел помочь Офелии, мне предстояло узнать правду не только о её сестре.

Мне предстояло выяснить, кому она обещала прийти через пять дней.

И почему была уверена, что после этой встречи её жизнь уже не сможет остаться прежней.

Глава девятая. Пять дней до обещания

На следующий день Офелия не открыла книжный магазин.

Я пришёл к десяти утра, потом вернулся после обеда. На стекле по-прежнему висела записка, а за дверью было темно. Я позвонил ей трижды, написал два сообщения и в конце концов заставил себя уйти.

Я обещал не исчезать молча, но она ничего мне не обещала.

Это различие оказалось мучительнее, чем я ожидал.

Вечером я достал мамины письма и разложил их на столе. Мне хотелось найти ещё что-нибудь, что объяснило бы странную связь между Еленой, Офелией и человеком, которого та собиралась встретить через пять дней.

В коробке оставались документы, старые фотографии и несколько конвертов без марок. Я перебирал их до полуночи, пока на самом дне не обнаружил небольшую записную книжку в серой обложке.

Она не была похожа на красную тетрадь, которую я уже знал. Эта выглядела почти новой, хотя на её страницах виднелись следы времени.

На первой странице мать написала:

«Для Офелии. Если она когда-нибудь решится спросить».
Я открыл следующую страницу.

Там стоял адрес.

Улица, номер дома, название небольшого пансионата на окраине города.

Ниже была приписка:

«Каждый год, двадцать шестого октября. Не заставляй её идти туда одну».

Я несколько раз перечитал дату.

До двадцать шестого октября оставалось пять дней.

Я вспомнил слова Офелии на кладбище. Её обещание. Её страх. Её просьбу не искать её, если она исчезнет.

И вдруг понял, что мама знала о предстоящей встрече.

Но почему?

Я перевернул страницу. Почерк становился всё менее уверенным, словно мать писала торопливо.

«Я не знаю, смогу ли когда-нибудь рассказать ему правду. Возможно, это не моя история. Но если он встретит Офелию, ему нужно понять главное: она не виновата в том, что произошло. И он тоже не виноват.

Некоторые семьи годами передают друг другу чужую боль, даже не замечая, что уже никто не помнит, с чего всё началось.

Я не хочу, чтобы они продолжали».

На этом записи обрывались.

Я сидел неподвижно, слушая, как за окном проезжают

редкие машины. Адрес казался знакомым, но я не мог понять почему. Потом вспомнил: в детстве мама однажды отвозила меня в пансионат на окраине города. Я пробыл там всего несколько часов, пока она решала какие-то взрослые дела. Мне было лет десять. Я помнил длинный коридор, запах лекарств и женщину, которая подарила мне яблоко.

Я никогда не спрашивал, зачем мы туда ездили.

Возможно, именно там начиналась история, которую Офелия пыталась мне рассказать.

Утром я отправился по указанному адресу.

Пансионат оказался старым двухэтажным зданием за невысокой оградой. На воротах висела новая табличка, но само здание почти не изменилось. Вдоль дорожки росли кусты, а у входа стояла скамейка, на которой пожилой мужчина читал газету.

Я назвал имя Елены и показал записную книжку сотруднице на ресепшене.

Она внимательно изучила страницу.

— Вы её сын?

— Да.

Женщина кивнула и попросила подождать.

Через несколько минут она вернулась с папкой.

— Ваша мама приезжала сюда несколько раз. Обычно в октябре. Но в последний год её визитов не было.

— К кому она приходила?

Сотрудница замаялась.

— Я не уверена, что могу рассказывать вам о другом человеке.

Я понял её осторожность и убрал книжку.

— Я не прошу медицинских сведений. Мне нужно только понять, почему моя мама приезжала сюда. Я пытаюсь найти человека, который, возможно, тоже её знал.

Женщина посмотрела на меня внимательнее.

— Подождите здесь.

Она ушла в соседний кабинет, а вернулась уже с пожилой женщиной в светлом кардигане. Та передвигалась медленно, опираясь на трость, но смотрела удивительно ясно.

— Вы сын Елены? — спросила она.

— Да.

Женщина долго изучала моё лицо.

— Вы очень на неё похожи.

— Вы знали мою маму?

— Она навещала одного человека. Иногда приводила с собой девочку.

Я почувствовал, как сердце забилося быстрее.

— Офелию?

Женщина не ответила сразу.

Потом тихо произнесла:

— Значит, она всё-таки вернулась.

— Вы знаете, где она сейчас?

— Нет. Но знаю, куда она придёт через несколько дней.

Я достал телефон, готовый записать адрес, но женщина

покачала головой.

— Нет, молодой человек. Сначала вы должны понять, почему она приходит туда каждый год.

Мы сели у окна в небольшом зале. Женщина представилась Марией Павловной и рассказала, что много лет назад здесь жила мать Офелии и Алисы.

Я не сразу понял смысл её слов.

— Их мать?

— Да. После смерти Алисы она долго болела. Елена помогала, чем могла. Офелия приезжала сюда несколько раз, но потом перестала.

— Почему?

Мария Павловна посмотрела на свои руки.

— Потому что здесь она слышала то, к чему не была готова.

Я ждал продолжения.

— Ваша мама хотела, чтобы Офелия узнала правду постепенно. Но время оказалось против нас. Женщина, о которой я говорю, умерла несколько лет назад. Перед смертью она попросила передать Офелии письмо.

— Письмо?

— Да. Но оно так и осталось у меня. Офелия больше не приходила, а я не знала, где её искать.

Мария Павловна поднялась и попросила меня подождать.

Вернувшись, она принесла небольшой конверт. Бумага пожелтела, а имя на лицевой стороне было написано дрожа-

щей рукой.

«Моей дочери Офелии».

Я узнал имя сразу.

— Почему вы не отправили его?

— У меня не было адреса. Елена обещала забрать письмо, но потом сама тяжело заболела. После её смерти я не знала, кому его отдать.

Я осторожно взял конверт.

— Что в нём?

— Я не читала. Это было не моё письмо.

Я поблагодарил её и вышел на улицу.

Всю дорогу домой я думал о том, что теперь у меня было два письма, которых Офелия никогда не видела: одно от Алисы, другое от собственной матери.

Я не знал, какое из них могло причинить ей больше боли.

Но я знал, что не имею права решать за неё, какую правду она заслуживает.

Офелия появилась в магазине на следующий день.

Она выглядела так, будто не спала всю ночь. Под глазами залегли тени, волосы были собраны в небрежный хвост, а на пальце виднелась свежая царапина.

Когда она увидела меня, то остановилась у входа.

— Ты был там, — сказала она.

Это был не вопрос.

Я положил на прилавок серую записную книжку.

— Да.

Она побледнела.

— Ты не должен был.

— Возможно. Но я не мог продолжать делать вид, что ничего не происходит.

Офелия закрыла дверь магазина и повернула табличку на «Закрыто».

— Что тебе рассказали?

Я достал конверт, который передала мне Мария Павловна.

Офелия узнала почерк сразу.

Её лицо изменилось так резко, что я невольно шагнул к ней.

— Откуда это у тебя?

— Мария Павловна. Она сказала, что письмо оставила твоя мама.

Офелия взяла конверт обеими руками.

Долго смотрела на него, не решаясь открыть.

— Я думала, что у неё больше не осталось слов для меня,
— прошептала она.

— Она хотела, чтобы ты их получила.

Офелия села на стул за прилавком.

— Я не могу.

— Не обязательно читать его сейчас.

— А если там написано, что она меня ненавидела?

— Тогда это будет то, что она написала. Но ты не узнаешь, пока не откроешь.

Офелия посмотрела на меня.

— Почему ты всё время оставляешь мне выбор?

Я не сразу понял вопрос.

— Потому что это твоя жизнь.

Она отвела взгляд.

— Мне кажется, я забыла, как это — выбирать.

Она осторожно вскрыла конверт.

Внутри лежало несколько страниц. Почерк был неровным, но разборчивым.

Офелия начала читать.

Сначала молча. Потом её губы задрожали. На середине письма она закрыла глаза и прижала ладонь ко рту.

Я сидел напротив и не двигался.

Когда она закончила, то положила листы на прилавок.

— Она знала, — сказала Офелия.

— Что именно?

— Что Алиса хотела уехать. Что она пыталась устроить свою жизнь. Мама знала, что мы обе собирались начать всё заново, но боялись сказать друг другу правду.

Она снова посмотрела на письмо.

— А ещё она знала, что Алиса собиралась встретиться со мной двадцать шестого октября.

Я почувствовал, как по спине пробежал холод.

— Встреча была назначена заранее?

Офелия кивнула.

— Мы договорились встретиться в старом пансионате.

Алиса хотела показать мне свои рисунки и рассказать о человеке, который предложил ей учиться в другом городе. Я обещала приехать.

Она сжала листы.

— Но я не приехала.

Я не стал спрашивать, почему. Теперь я понимал, что ответ не изменит прошлого, но всё ещё мог изменить то, как Офелия будет жить с ним.

— Ты собираешься туда через пять дней? — спросил я.

Она кивнула.

— Я каждый год прихожу туда. Просто сижу возле входа. Иногда разговариваю с Марией Павловной, когда она ещё могла выходить. Я представляю, что Алиса всё-таки приходит, садится рядом и рассказывает мне о своей жизни.

Офелия с трудом вдохнула.

— Я знаю, что этого не произойдёт. Но если я перестану ждать, мне кажется, что я окончательно потеряю её.

— Ты уже не потеряешь её больше, чем потеряла.

Она посмотрела на меня, и я понял, что сказал не то.

— Прости.

— Нет, — тихо ответила она. — Ты прав.

Она сложила письмо и убрала его в сумку.

— Я не хочу больше приходить туда одна.

Эти слова прозвучали так тихо, что я сначала подумал, будто ослышался.

— Ты хочешь, чтобы я пошёл с тобой?

Офелия кивнула.

— Если ты действительно хочешь.

— Хочу.

Она впервые за несколько дней улыбнулась. Совсем немного, но на этот раз улыбка не исчезла сразу.

Мы сидели в пустом магазине, пока за окном темнело. Она рассказывала мне о матери, об Алисе, о том, как они в детстве придумывали себе будущие имена и рисовали на стенах невидимые окна.

Я слушал.

И постепенно понимал, что за каждым её молчанием скрывалась не одна тайна, а целая жизнь, в которой любовь слишком часто приходила вместе со страхом.

Перед уходом Офелия остановилась у двери.

— Андрей, я должна тебе кое-что сказать.

— Слушаю.

Она опустила глаза.

— Через пять дней я собираюсь не только на встречу с прошлым.

Я ждал.

— После этого я уеду из города.

Слова прозвучали спокойно. Она словно сообщала мне, что завтра будет дождь.

— Куда?

— Я пока не решила окончательно. Но мне нужно начать заново.

Я почувствовал знакомую боль, ту самую, которую испытываешь, когда понимаешь, что человек, ставший тебе дорогим, уже готовится уйти.

— Ты собиралась сказать мне об этом раньше?

— Да.

— И почему не сказала?

Офелия посмотрела на меня.

— Потому что впервые за долгое время мне захотелось остаться.

Она произнесла это и тут же отвернулась, словно испугалась собственных слов.

— Но я не знаю, имею ли на это право.

Я хотел ответить, что имеет. Что никто не должен спрашивать разрешения у собственной боли, чтобы начать жить. Что можно помнить умерших и всё равно выбирать будущее.

Но я понял: она ждала не разрешения.

Она ждала, что кто-то не станет удерживать её из страха потерять.

— Ты имеешь право остаться, — сказал я. — И имеешь право уехать. Я не буду решать за тебя.

Офелия медленно кивнула.

— Спасибо.

Она вышла, оставив меня одного.

На прилавке лежала серая записная книжка моей матери. Я открыл её на последней странице и заметил, что под прежней записью было ещё несколько строк, почти стёртых вре-

менем.

Я поднёс лист к свету.

«Если Офелия всё-таки придёт двадцать шестого октября, пусть знает: Алиса оставила не только письмо.

Есть ещё один человек, который был там в тот день.

И он до сих пор жив».

Я перечитал строки.

Потом посмотрел на дату.

До двадцать шестого октября оставалось четыре дня.

И впервые мне показалось, что мы с Офелией приближаемся не к прощанию, а к правде, которую кто-то слишком долго удерживал в тайне.

Правде, способной изменить всё, что она помнила о последней встрече с сестрой.

Глава десятая. Человек, который помнил тот день

В ту ночь я почти не спал.

Слова, найденные в серой тетради матери, не давали мне покоя.

Есть ещё один человек, который был там в тот день. И он до сих пор жив.

Я перечитывал эту фразу снова и снова, словно от количества прочтений она могла измениться, открыв мне то, чего я пока не понимал. Но чернила оставались прежними, почерк матери — таким же неровным, а за окном медленно светлело октябрьское небо.

Я не знал, что произошло двадцать шестого октября много лет назад. Не знал, почему Алиса так хотела увидеть сестру именно в этот день. И не понимал, почему моя мать хранила чужие тайны, будто они были частью её собственной жизни.

Но я знал одно: Офелия собиралась вернуться туда, где когда-то не дождалась сестры.

И на этот раз я не хотел позволить ей идти одной.

Утром я отправился в книжный магазин.

Офелия уже была там. Она стояла за прилавком, держа в руках чашку давно остывшего кофе. Волосы были собра-

ны на затылке, под глазами залегли тени. Перед ней лежала раскрытая книга, но, судя по неподвижному взгляду, она не прочитала ни единой страницы.

— Ты опять не спала? — спросил я.

Она подняла глаза.

— А ты опять задаёшь вопросы, на которые сам знаешь ответ.

— Значит, мы оба плохо справляемся с собственной жизнью.

На мгновение уголок её губ дрогнул.

— По крайней мере, ты начинаешь это признавать.

Я снял пальто и повесил его на спинку стула. Некоторое время мы молчали. Раньше это молчание казалось мне уютным. Теперь в нём поселилось что-то тревожное, словно между нами стояла невидимая дверь, которую кто-то медленно закрывал.

— Я был у Марии Павловны, — сказал я наконец.

Офелия перестала вращать чашку в руках.

— Зачем?

— Хотел узнать, кто ещё мог быть там в тот день.

Она побледнела.

— Андрей, мы же договорились не торопиться.

— Я не собираюсь ничего решать за тебя. Но в тетради моей матери есть запись. Алиса оставила не только письмо. Кто-то был рядом с ней двадцать шестого октября.

Офелия медленно опустила чашку на стол.

— Ты думаешь, этот человек знает, почему она умерла?

— Я не знаю.

— Тогда зачем ты ищешь его?

Я посмотрел на неё. Вопрос был задан тихо, почти безразлично, но я услышал за ним настоящий страх.

— Потому что ты всю жизнь пытаешься ответить на этот вопрос одна.

Она отвернулась к окну.

За стеклом люди спешили по своим делам. Кто-то нёс бумажный пакет с завтраком, кто-то разговаривал по телефону, кто-то смеялся, запрокинув голову. Мир продолжал жить с удивительной жестокостью: он никогда не останавливался ради тех, кто не успевал пережить собственное горе.

— А если правда окажется хуже того, что я придумала?
— спросила Офелия.

— Тогда тебе придётся услышать её.

— И всё?

— Нет. Тогда тебе придётся решить, что делать с ней дальше.

Она посмотрела на меня так, словно я сказал что-то непозволительное.

— Ты говоришь так, будто это просто.

— Нет. Я говорю так, потому что ничего другого не умею.

Офелия впервые за утро улыбнулась. Улыбка вышла короткой и печальной.

— Знаешь, что самое страшное в тебе, Андрей?

— Даже боюсь спрашивать.

— Ты не пытаешься убедить меня, что всё будет хорошо. Все остальные именно это и делали. Они говорили, что время лечит, что нужно отпустить прошлое, что нельзя жить воспоминаниями. А потом уходили домой, где их никто не ждал из могилы.

Я ничего не ответил.

Потому что она была права.

Иногда слова утешения нужны не тому, кто страдает, а тому, кто не умеет смотреть на чужую боль.

— Я не обещаю, что станет легче, — сказал я. — Но я могу остаться, пока ты пытаешься разобраться.

Офелия долго смотрела на меня.

— Не говори так, если не уверен.

— Я уверен только в том, что сейчас не хочу уходить.

Она опустила взгляд. Её пальцы коснулись края раскрытой книги, но она не стала переворачивать страницу.

— Хорошо, — произнесла она. — Тогда сегодня мы пойдём к Марии Павловне вместе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.